ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны: { Редакции 1-23-99. Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год . . . . . 11 р. 50 к.
» » » полгода . . . . . 6 р. — к.
Для судработников при подписке на год . . . . . 8 р. 50 к.
» » » » » полгода . . . . 4 р. 80 к.

№ 5 | 7 февраля 1927 года. | № 5

Вопросы уголовного законодательства на предстоящей Сессии ЦИК Союза ССР.

Среди вопросов, которые будут обсуждаться на предстоящей 3 Сессии ЦИК Союза ССР, имеется проект изменения некоторых статей «Основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик» и проект Положения о государственных преступлениях.

Оба эти законопроекта обсуждались Сессией ЦИК Союза еще в апреле 1926 года и подверглись очень тщательной проработке в специальной ее комиссии, но, не имея в своем распоряжении отзыва союзных республик по этим вопросам, прошлогодняя сессия не сочла возможным эти законопроекты утвердить.

Надо сказать, что первый проект, именно проект изменения «Основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик», был внесен в прошлом году на Сессию ЦИК Союза по инициативе Правительства РСФСР в связи с пересмотром Уголовного Кодекса нашей Республики, уже введенного в действие с 1 января текущего года.

Второй законопроект — «Положение о государственных преступлениях» представлен во исполнение прямого требования закона. Согласно «Основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик» так наз. государственные преступления из'яты из компетенции уголовного законодательства союзных республик и переданы исключительно в компетенцию Союза, и поэтому необходимо в общесоюзном законе дать точный перечень этих преступлений вместе с указанием соответствующих мер социальной защиты.

Переходя к разбору обоих этих проектов, мы считаем необходимым в настоящей статье подчеркнуть лишь наиболее существенные их моменты.

«Основные начала уголовного законодательства Союза и союзных республик» в нынешней редакции устанавливают те обстоятельства, которые по закону признаются отягчающими или смягчающими ответственность при определении судом меры социальной защиты лицу, совершившему то или иное преступное деяние. В качестве одного из отягчающих обстоятельств указана принадлежность лица, совершившего преступление, в прошлом или в настоящем к классу эксплоатирующих чужой труд, и, наоборот, одним из смягчающих обстоятельств является совершение преступления рабочим или трудовым крестьянином.

При обсуждении на Сессии ВЦИК в октябре 1925 г. вопроса о включении этих положений в общую часть Уголовного Кодекса РСФСР сессия признала полную неприемлемость такого принципиального положения, находя, что одна только голая принадлежность к тому или иному классу сама по себе отнюдь не может служить ни отягчающим ни смягчающим ответственность обстоятельством. Конечно, наш классовый суд всегда придавал, придает и будет придавать большое значение вопросу о том, кем совершено преступление, но совершенно недопустимо, как рассуждала сессия ВЦИК, чтобы социальная принадлежность являлась обстоятельством, заранее и безусловно определяющим повышение или смягчение меры социальной защиты, которая будет принята в отношении лица, совершившего то или иное преступление. Мыслимы случаи, когда к совершившему преступление лицу, принадлежащему к рабочему классу, суд должен будет подойти именно с более суровой оценкой совершенного им деяния и применить к нему более суровую меру социальной защиты. Формула, которая так часто встречалась в приговорах наших судов: «но принимая во внимание пролетарское происхождение», как формула самодовлеющая, не может и не должна впредь иметь место в нашей судебной практике. Это, конечно, отнюдь не значит, что наш классовый суд при всех остальных равных условиях, имея, с одной стороны, скажем, растратчика-нэпмана, а с другой стороны — растратчика рабочего, не отнесется по-разному к ним, исходя из общих задач нашей государственной политики предупреждения уголовных преступлений в зависимости от того, кем именно уголовное правонарушение совершено.

Проект, внесенный на Сессию ЦИК Союза, и предлагает исключить социальное происхождение или социальную принадлежность из группы тех обстоятельств, которые устанавливаются законом, как обстоятельства, отягчающие или смягчающие ответственность лица, совершившего то или иное преступление.

Интересно также отметить изменение, вносимое новым проектом в ту статью «Основных начал уголовного законодательства Союза и союзных республик», которая, устанавливая случаи неприменения мер социальной защиты, несмотря на то, что то или иное признаваемое преступным деяние фактически совершено, и что лицо, его совершившее, вполне вменяемо, случаи так называемой необходимой обороны, среди них называет и оборону против посягательств на революционный правопорядок. На октябрьской Сессии ВЦИК в 1925 г. такая постановка вопроса подвергнута была серьезной критике. Высказывались опасения, что нельзя сохранить в законе этот именно вид необходимой обороны, так как, благодаря крайней неопределенности об'екта—«революционный правопорядок», возможно использование такой статьи закона для покрытия всякого рода произвола со стороны органов власти, способное дискредитировать Советскую власть в глазах широких рабоче-крестьянских масс и препятствовать весьма существенным образом укреплению в стране начал революционной законности.

Что касается государственных преступлений, то вносимый законопроект заключает в себе определение отдельных видов государственных преступлений и указание мер социальной защиты в отношении лиц, эти преступления совершающих. На страницах «Известий ЦИК» недавно писали, что этот законопроект следовало бы снабдить общей статьей,

определяющей сущность и характер нашего государства. Мы полагаем, что этого делать не следует. Поскольку в законопроекте речь идет о государственных преступлениях, т.-е. о преступлениях, направленных против нашей государственной системы, об этих преступлениях только и надо в нем говорить. Вопрос же о сущности нашей системы государства, о характере нашего государства есть вопрос конституционного свойства, и о нем должна итти речь и действительно идет речь в Конституции.

Здесь прежде всего представляется трудным и спорным самое определение того, что является «государственным преступлением». Внесенный на сессию проект относит к этим преступлениям преступления так называемые контр-революционные и наиболее опасные преступления из раздела «преступления против порядка управления». Стоит отметить, что последняя редакция проекта, пройдя через ряд инстанций, исключает самый термин «государственные преступления», указывая прямо, что к компетенции Союза, кроме преступлений воинских, относится нормирование преступлений контр-революционных и наиболее опасных преступлений против порядка управления. Нам не представляется целесообразным такое исключение, и мы полагаем, что общий термин «государственные преступления» необходимо сохранить.

Группа контр-революционных преступлений легко поддается определению, и ни в ком никаких сомнений не вызывает вопрос о том, можно ли то или иное преступление отнести к категории контр-революционных, так как совершено ясно, что к этой категории должны быть относимы только те преступления, которые направлены против завоеваний пролетарской революции.

Группа контр-революционных преступлений по новому законопроекту в значительной степени воспроизводит те виды преступлений, которые известны уголовным кодексам отдельных союзных республик. Проект дает уточнение самих формулировок сущности отдельных преступлений, т.-е. того, что называется диспозицией статей, и вводит некоторые изменения применявшихся до настоящего времени уголовных санкций.

Одним из наиболее существенных отличий внесенного на сессию проекта от соответствующих глав действующих в настоящее время республиканских кодексов является то, что проект, давая определение понятия «контр-революционное преступление», вводит совершенно новую мысль, признавая покрываемые этим понятием преступные деяния контр-революционными «в силу международной солидарности интересов всех трудящихся... и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз Советских Социалистических Республик». Это нововведение совершенно понятно будет для всякого, кто отдает себе отчет в том, какую роль играет наше советское государство в отношении мировой социальной революции. Идя по этому же пути, проект рассматривает, как контр-революционное преступление, «оказание каким бы то ни было способом помощи... находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой (международной) буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза Советских Социалистических Республик деятельности». Этот состав преступления, например в сравнении с Уголовным Кодексом РСФСР, по существу новым не является, но в новом проекте более четко, более конкретно выражен самый состав преступления, и это правильно, ибо государство трудящихся должно защищаться от принимающего широкие формы развития в буржуазных странах фашизма, конечно, в тех случаях, когда он в той или иной форме будет проникать на территорию Союза.

Внесенный на Сессию ЦИК Союза проект совершенно отказывается преследовать, как контр-революционные преступления, всякого рода измышление и распространение в контр-революционных целях ложных слухов, как это делал до сих пор Уголовный Кодекс РСФСР. Мы считаем, что в настоящий момент, при современном состоянии нашего государства как в международном отношении, так и в смысле роста и укрепления наших внутренних сил, нашей экономической мощи, такого рода деяния чаще всего представляют из себя не что иное, как обывательскую болтовню, и для Союза Советских Социалистических Республик никакой опасности не представляют и представлять не могут.

Относительно преступлений против порядка управления, следует указать, что известные затруднения представляет самый вопрос о том, какие преступления против порядка управления относятся к категории государственных преступлений и подлежат вследствие этого нормированию в порядке общесоюзного законодательства. Надо иметь в виду, что в общей массе преступлений преступления против порядка управления, пожалуй, являются наиболее многочисленной категорией, и союзный закон должен, конечно, отобрать из них только те, которые действительно представляют собой особую опасность для всего Союза или, вернее говоря, для основ управления и народного хозяйства всего Союза. Исключительно только такие преступления против порядка управления и следует нормировать в порядке общесоюзного закона, если мы не хотим без достаточных оснований, а может быть, и совсем неосновательно, ограничивать компетенцию союзных республик в данной области законодательства.

Первоначальный проект, принятый прошлой Сессией ЦИК Союза, содержал в себе статью, которая давала общее определение этих именно особо опасных преступлений против порядка управления. Он относил к ним те из преступлений против порядка управления, которые колеблят или могут колебать, независимо от того, на территории какой республики они имели место, основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза и союзных республик. Указание этого признака—колебание основ государственного управления и хозяйственной мощи—и является определяющим критерием, который применила Сессия ЦИК Союза при отнесении части этих преступлений к категории тех, которые подлежат нормированию в общесоюзном законодательстве. Проект, который вносится в настоящее время, этого признака не содержит. Мы полагаем, что это ошибка, и что определение особо опасных против порядка управления преступлений в общесоюзном законе дать необходимо, как бы это ни было трудно.

Какие же преступления против порядка управления следует считать особо опасными для всего Союза, подлежащими нормированию в общесоюзном порядке?

По проекту, который Сессия ЦИК будет обсуждать, в эту группу входят: массовые беспорядки, отказ от военной службы, невнесение налогов и невыполнение повинностей, бандитизм, пропаганда и агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды, подделка денег и иных знаков государственной оплаты, квалифицированная контрабанда и некоторые другие преступления. В эту же группу проект вводит новый вид преступления, которого не знают соответствующие главы уголовных кодексов союзных республик, а именно, недонесение о таких преступлениях, как массовые беспорядки, бандитизм и фальшивомонетчество. Проект перечисляет все наиболее тяжкие преступления против порядка упра-

вления, и для расширения этого перечня нет решительно никаких оснований.

Все остальные виды преступлений против порядка управления, не перечисленные проектом, могут с полным успехом нормироваться законодательством союзных республик, и нам кажется, что следует даже поднять на сессии вопрос об исключении из проекта отдельных видов преступлений против порядка управления. Вряд ли, например, можно привести какие-либо серьезные основания в пользу того, чтобы массовые беспорядки в тех случаях, когда участники их не вооружены, как, например, в так называемых бабьих бунтах, базарных и уличных скопищах, признаваемы были особо опасными для всего нашего Союза в такой мере, чтобы явилась действительная необходимость нормировать эти преступления в общесоюзном масштабе. Точно также мы не думаем, чтобы нужна была общесоюзная норма, регулирующая борьбу с нарушителями всех государственных монополий, поскольку среди этих монополий имеются и такие, нарушение которых едва ли можно рассматривать как особо опасное для всего Союза преступление. Установление подобной нормы до жно быть в сущности признано делом союзных республик. Конечно, монополия внешней торговли занимает в нашей советской системе особое место, и нарушение этой монополии не может не рассматриваться, как преступление особо опасное именно для всего Союза Советских Социалистических Республик, и поэтому соответствующая норма должна быть общесоюзной, но этого правила незачем распространять на случаи нарушения всякой иной государственной монополии.

Во всяком случае, нам представляется безусловно нецелесообразным итти навстречу предложениям, которые вносились и, несомненно, будут вноситься и на Сессии в сторону расширения перечня категорий особо опасных против порядка управления преступлений, подлежащих нормированию общесоюзного законодательства.

Нужно, чтобы интересы Союза Советских Социалистических Республик были гарантированы максимальным образом, и чтобы права отдельных советских социалистических республик, входящих в состав Союза, ни в чем не были урезаны без достаточных к тому оснований.

Предстоящая Сессия ЦИК Союза правильно разрешит все трудные и спорные вопросы, касающиеся как положения о государственных преступлениях, так и тех существенных изменений, которые необходимо внести в основные начала общесоюзного уголовного законодательства.

Я. Бранденбургский.

Пределы правоспособности юридического лица.

„Основными направлениями этой работы должны быть: а) . . . недопущение выполнения учреждениями и предприятиями функций, не предусмотренных их положениями и уставами" . . . . . .

(Из пост. ЦИК и СНК СССР о режиме экономии.—„С. З." 1926 г. № 40, ст. 291).

Вопрос о пределах правоспособности юридического лица снова ставится на обсуждение. С. Ландкоф в статье «Действительность внеуставных сделок» приходит к выводу, что «наш ГК не устанавливает в виде общей меры ограниченной правоспособности юридических лиц» [1]).

Постановку этого вопроса вновь на обсуждение нельзя не признать своевременной в наши дни, в обстановке борьбы за режим экономии.

Кто знает, быть может, не последней причиной расточения государственного достояния некоторыми государственными организациями является та распространенность внеуставных сделок, о которых С. Ландкоф в своей статье говорит: «Можно заранее сказать, что количество внеуставных сделок довольно велико».

Быть может, пассивный баланс этих учреждений, выражающийся в многозначных цифрах, не в малой степени обязан тем кинематографам, мыловаренным и инструментальным заводам, дровозаготовкам, поставкам и сушке фрукт, о которых бесстрастно упоминает в своей статье другой автор, утверждающий, что соответственные статьи закона о специальной правоспособности юридических лиц «имеют декларативный характер и обращены к самим юридическим лицам, а не к их контрагентам», и что соблюдение этих правил зависит исключительно от «такта и лойяльности» юридических лиц, а не их контрагентов [2]).

Такой подход к вопросу вовсе не нов и отнюдь не оправдывается постановлениями нашего Гражд. Код.

История и постановка вопроса вкратце таковы: предельна и замкнута ли правоспособность юридического лица той целью (а не уставом), ради которой оно существует и действует, или же беспредельна, принципиально не ограничена, поскольку закон или физические препятствия не ограничивают этой правоспособности [1]).

Единства взглядов по этому вопросу в науке права, как известно, нет.

Одни настойчиво и безоговорочно считают, что принципиально юридические лица должны обладать всей полнотой прав лиц физических, конечно, за теми немногими исключениями в этой области, которые не даны юридическому лицу самой природой, напр., способность к семейственным правам; что мысль о целевой правоспособности, о принципиальной ограниченности ее основана на идее подозрительного отношения к личности ее всегдашнего антипода — государства; что юридическое лицо есть как бы естественное продолжение воли отдельной человеческой личности и средство для проявления воли и мощи этой личности и что самая мысль об ограниченной правоспособности юридического лица чужда гражданскому праву и привнесена сюда из административной практики и права [2]).

Другие также решительно настаивают на противоположной точке зрения — принципиальной ограниченности правоспособности юридического лица теми целями, ради достижения которых оно создано. Указывают, что юридическое лицо действует лишь в пределах, очерченных для него правопорядком, что оно не только не должно, но и не может действовать за этими пределами и что действие, совершенное средствами юридического лица, но выходящее за пределы его цели, не только юридически недействительно, но и не может быть приписано лицу, от имени которого оно совершено.

---

[1]) „Е.С.Ю." 1926 г. № 43.

[2]) „Е.С.Ю." 1926 г. № 18. Б. Федонов „О внеуставных сделках госпредприятий в практике ВАК". См. также статью того же автора в № 16 „Е.С.Ю." за 1925 г.

[1]) Ср. С. Ландкоф цит. статья: „Ни одна из статей ГК союзных республик, посвященных юридическим лицам и их правоспособности (ст.ст. 13—19), не говорит о том, что юридическим лицам з а п р е щ е н о совершать внеуставные сделки" (курсив мой А. Ш).

[2]) Ср. суждения С. Л а н д к о ф а там же об уставе, законе и 18 ст. Г.К.

В обоснование этой позиции указывают, что нарушение юридическим лицом границы своей деятельности «означало бы произвольное вторжение союзного тела в сферу, которая всецело предоставлена индивиду, всецело сохранена за личностью свободной и ни в одной своей части не подчиненной воле союза» [1]).

Так ставился и ставится вопрос в условиях капиталистической организации народного хозяйства.

При нашей хозяйственной системе должна быть очевидна неприемлемость не только первой позиции, принципиально отвергающей возможность каких-либо ограничений в сфере деятельности юридических лиц.

Мне думается, в разрезе основных положений советской экономики и права неприемлема и вторая точка зрения в ее исходных моментах, вернее, в виду тех оснований, в силу которых наука права высказывалась за ограниченную сферу деятельности юридического лица.

«Теория права», говорит проф. Тарановский, «сложилась в эпоху самоопределения личности и господства индивидуального хозяйства. В виду этого она обнаруживает склонность к отождествлению суб'екта юридических отношений с индивидуальной человеческой личностью» [2]).

Целевая установка и в том и в другом случае одинакова: охрана прав личности, вернее, суб'ектов капиталистического хозяйства.

Какова же должна быть позиция советского права в этом вопросе?

Допустима ли, с точки зрения нашего права, неограниченная правоспособность юридического лица, а если нет, то в силу каких именно оснований.

Несколько слов по поводу позиции Гражд. Код. в этом вопросе — иначе о догме вопроса.

По утверждению С. Ландкофа, «анализ действующего закона дает следующие результаты. Ни одна из статей ГК союзных республик, посвященных юридическим лицам и их правоспособности (ст.ст. 13—19), не говорит о том, что юридическим лицам запрещено совершать внеуставные сделки. Следовательно, наш ГК не устанавливает в виде общей меры ограниченной правоспособности для юридических лиц. Если наша литература считает, что правоспособность юридических лиц ограничена пределами той цели, для достижения которой они были созданы, то мнение это основано не на законе, а на толковании уставов тех юридических лиц».

А так как устав не есть закон, то, по мнению С. Ландкофа, очевидна неприменимость ст. 30 ГК к неуставным сделкам.

Нужно согласиться с нашим автором, что прямых постановлений, воспрещающих юридическим лицам совершение сделок, выходящих за пределы цели их деятельности, под страхом об'явления недействительными этих сделок, ГК не содержит.

Но разве отсутствие воспрещения всегда равносильно дозволению?

Путь, избранный С. Ландкофом, методологически слишком упрощенный.

Пусть ГК не содержит прямого ответа на этот вопрос, но принцип ограниченной правоспособности, по правильному утверждению проф. Шретера, «с несомненностью вытекает из ст. 18 Гражд. Код.» и, в частности, в отношении госпредприятий получил «отчетливое выражение в декрете от 2 января 1923 г. (С. У. 1923 г. № 14, ст. 175)» [1]), декрете, добавлю от себя, вошедшем в ГК РСФСР в качестве приложения к прим. ст. 16 его.

Той же точки зрения в отношении ст. 18 ГК придерживается другой автор, Л. И. Поволоцкий: «Из этого вполне определенного указания закона может быть сделан только один вывод — деятельность юридического лица является правомерной, поскольку она соответствует цели его учреждения, а, следовательно, только те правоотношения данного юридического лица будут пользоваться защитой закона, которые находятся в соответствии с целью его деятельности» [2]).

Итак, мнение нашей литературы об ограниченной правоспособности юридических лиц основано, вопреки утверждению С. Ландкофа, на законе, а не на толковании уставов или договоров.

Оставляя в стороне сложный и требующий самостоятельной разработки вопрос о силе и значении уставов и учредительских договоров, следует только заметить, что устав или договор есть лишь внешнее, наиболее легко распознаваемое выражение разрешенной цели деятельности юридического лица, и только.

Поэтому, когда говорят о противозаконности (ст. 30), а, следовательно, и о недействительности данной сделки юридического лица, вследствие нарушения им пределов своей правоспособности, то речь идет не о противоуставности сделки, как таковой, не о формальных нарушениях юридическим лицом своего устава, зачастую отсутствующего (ср. «фактические юридические лица» в раз'яснениях Пленума Верхсуда РСФСР—«Е. С. Ю.» 1926 г. №№ 29 и 32), а о нарушении тем же лицом разрешенной ему законом цели, о поставлении им себя в пределах данной сделки вне этой цели.

Для того, чтобы покончить с догматической стороной вопроса, остается только добавить, что начало специальной правоспособности юридических лиц находится в полном соответствии с подконтрольным, в виде общего правила, характером возникновения юридических лиц по нашему ГК. Положение это едва ли нуждается в особых доказательствах.

Но, очевидно, центр тяжести рассматриваемого вопроса в статье С. Ландкофа заключается не в догматической, а в правно-политической его стороне. Не в том, как он разрешается ГК, а как вообще его нужно и целесообразно разрешить.

В этом я вполне согласен с т. Ландкоф.

Рассмотрим доводы за и против принципа целевой правоспособности юридических лиц в условиях нашего хозяйственного строя и оборота.

По словам авторов известной книги «Стиннес и его концерны», П. Уфермана и К. Хюглина, при регистрации «Акц. о-ва «Гуго Стиннес» для судоходства и заокеанской торговли» цель этого общества была изложена следующим образом:

«Судоходство всякого рода, а также производство необходимых для этого средств в Германии и за границей; торговля всеми продуктами горного производства, химической и электротехнической промышленности, сельского хозяйства, а также торговля готовыми изделиями, полу-

---

[1]) Проф. М. Я. Пергамент „К вопросу о правоспособности юридического лица". СПБ. 1909 г., стр. 9. Интересующиеся в работе проф. Пергамента могут найти сжатый, но вместе с тем мастерски сделанный обзор литературных мнений по рассматриваемому вопросу. Весьма выпукло и ярко тот же вопрос поставлен в известных очерках покойного проф. И. А. Покровского „Основные проблемы гражданского права", Петроград, 1917 г., стр. 135 и след.

[2]) „Учебник энциклопедии права", Юрьев, 1917 г., стр. 164.

[1]) В. Шретер. „Внутренняя торговля". Изд. „Экон. Жизни" 1926 г. стр. 44. Курсив мой А. Ш.

[2]) Л. И. Поволоцкий. Специальная правоспособность и неуставные сделки трестов—сборник „Промышленность и право". Изд. ЦУП ВСНХ СССР, 1926 г. стр. 45. Курсив мой. А. Ш.

фабрикатами и сырьем всякого рода, в частности. продуктами питания и фуражом, минеральными, животными и растительными маслами, хлопком и прочим текстильным сырьем, кожами, джутом, лесом, целлюлозой и всеми продуктами перерабатывающей промышленности; далее перегрузкой и хранением этих продуктов, в частности, прибывающих из-за границы или отправляемых туда. О-во пользуется также правом заниматься производством, добычей и обработкой товаров, готовых изделий, полуфабрикатов и сырья всякого рода в собственных предприятиях».

Приведя этот длиннейший перечень правомочий, П. Уферман и К. Хюглин справедливо указывают: «Нет такой отрасли производства и торговли, которая на основании этой программы не могла бы быть включена в круг деятельности «Акц. о-ва „Гуго Стиннес" для судоходства и заокеанской торговли» [1]).

Если оставить в стороне эксплоатацию зрелищных предприятий и некоторых других, можно, не рискуя ошибиться, сказать, что описанное предприятие является наиболее об'емным по своей правоспособности и вмещает в себя почти все мыслимые функции народного и даже мирового хозяйственного организма в целом.

Возможно ли в условиях нашего хозяйства, сочетающего плановые начала с рыночными, единство цели с множественностью средств, направленных к ее достижению, допущение такого рода предприятия: «de-jure», т.-е. в порядке утверждения устава; и «de-facto», т.-е. в силу принципа неограниченной правоспособности юридического лица, хотя по учредительскому акту, формально выраженному в уставе, положении или договоре, либо молчаливо предполагающемуся, цель его и была бы крайне и крайне узка?

Думаю, что нет.

«De-jure» ни одно из действующих в пределах нашего Союза или от имени его за границей хозяйственных предприятий, обладающих правами юридического лица, не имеет такой сборной и об'емной правоспособности, зафиксированной в учредительском акте. Вплоть до оперативных органов Наркомторга, осуществляющих внешне-торговые операции и имеющих наиболее многообразные функции, по крайней мере, в области импорта и экспорта. Чрезвычайно характерна и в этой области намечающаяся в последнее время тенденция к переходу от горизонтального построения функций (госторги) к вертикальному охвату соответственных функций (импортные общества — Текстильимпорт, Металлоимпорт и пр.).

«De-facto» допустить, что каждый кооператив, каждый трест, каждое акционерное общество, каждое товарищество, — словом, каждый суб'ект права из разряда так называемых юридических лиц в пределах и с соблюдением подлежащих узаконений о торгово-промысловой деятельности—может производить, покупать и продавать все, что ему не вздумалось бы, т.-е. совершать любые юридические сделки, вовсе не считаясь с предуказанной или предустановленной для него целью, это значит отрицать идею планового хозяйства вообще.

Какой может быть план, в смысле известного предуказания и предвидения определенных хозяйственных эффектов, там, где формально раздробленные хозяйствующие суб'екты (лица в праве) абсолютно автономны как в проявлении своей хозяйственной воли, так и в выборе «целей»?

Ведь это же и есть та анархия капиталистической системы хозяйства, преодоление которой составляет начальную и конечную цель экономической политики рабочего класса.

С этой точки зрения соблюдение юридическим лицом цели своей деятельности, устава, положения или учредительского договора необходимо не потому, что соблюдение это диктуется соображением охраны прав личности, как учит гражданское право капитализма, а потому, что соблюдение цели или учредительского акта есть элементарное и основное выражение начала плановости в народном хозяйстве, начала, исключающего всякую бессистемность, всякую хаотичность, всякую анархию при построении хозяйственных отношений.

В виду элементарного принципа разделения общественного труда, возникает необходимость в целеограничением об'еме правоспособности юридического лица, а не потому, что никто из членов корпорации не может быть понужден к изменению цели союза, как это установлено в ст. 74 швейцарского гражд. улож. от 10 декабря 1907 года.

Вот почему в основном и направляющем на ближайшие годы законодательном акте — декрете о режиме экономии — среди мер, обеспечивающих нормальную работу предприятий и учреждений, указано «недопущение выполнения учреждениями и предприятиями функций, не предусмотренных их положениями или уставами», т.-е. целью их деятельности.

Тут возможны два возражения. Скажут: пусть все это так, но, во-первых, не дело суда вторгаться в плановую сферу государственной власти (т. Фелонов) [1]), а, во-вторых, уклонение от цели «может повлечь за собой прекращение юридического лица (ст. 18 ГК), но не влечет признания недействительности всех внеуставных сделок. Недействительны лишь сделки противозаконные (ст. 30 ГК), но не противоуставные» (т. Ландкоф).

Оба возражения неосновательны.

Советский суд не инородное тело в советском государственном организме, вне или над ним стоящее и от него независящее. Экономическая политика Советской власти— живой источник права не только для арбитражных комиссий (ст. 22 «Основ судоустройства Союза»), но и для общих судов (ст. 4 ГПК союзных республик).

Немыслимо и недопустимо положение, в силу которого руководящие органы советской политики провозглашали бы и требовали недопущения юридических действий, противоречащих цели деятельности юридических лиц, а советский суд в роли пассивного и безучастного зрителя отклонял бы от себя обязанности недопущения таких действий только потому, что «методы суда гражданского», как указывает т. Фелонов [1]), непригодны для целей плановой работы.

А если это так, то вывод может быть только один: советский суд не только вправе, не только может, но и обязан признать подобные юридические действия недействительными, больше того, ничтожными, как совершенные не в соответствии с той целью, ради достижения которой закон допускает учреждение данного юридического лица.

Сделка же, не соответствующая законной цели, и есть сделка, совершенная либо с целью, противной закону, либо в обход его.

Иной она при явно выраженной воле закона о целеобусловленности действий юридического лица быть не может.

Так, мне кажется, разрешается вопрос и под углом зрения экономической целесообразности.

Доводы т. Ландкофа в этой плоскости крайне несложны и, я бы сказал, отнюдь не полемики ради, примитивны.

---

[1]) Русский перевод в изд. „Эконом. Жизни", 1924 г. стр.стр. 20 и 21.

[1]) „Е.С.Ю." 1925 г. № 16.

Признание «внеуставных» сделок действительными диктуется «потребностями торгового оборота». «Немыслимо требовать того, чтобы лицо, совершающее сделку, убеждалось предварительно в том, имеет ли его контрагент право на совершение данной сделки». (Курсив С. Ландкофа).

«Можно заранее сказать, что количество внеуставных сделок довольно велико», но не все они попадают в поле зрения судебных органов.

Ссылка на торговый оборот сама по себе недостаточна. Во-первых, «торговый оборот» отнюдь не культивируется и не нуждается в бессистемных и хаотических действиях со стороны его участников. Во-вторых, советское государство, как мы видели, вовсе не безучастно к направлению деятельности этого оборота и вовсе не думает предоставить ему безграничную автономию и независимость от органов государства, в том числе и суда. В-третьих, для участников оборота не так уже трудно и не так непреодолимо убеждаться в праве контрагентов на совершение данной сделки.

Вовсе не нужно заглядывать в устав Азнефти, чтобы знать, что она не вправе торговать подсолнечным маслом, или в устав Управления сланцевой промышленности, чтобы убедиться, что оно не может торговать старым кирпичем, или в устав Кооператопа, чтобы воздержаться от дачи ему комиссионного поручения на покупку экспортного леса... Примеры эти, взятые из жизни и судебной практики, можно было бы умножить еще.

Участники оборота прекрасно знают и осведомлены в том, кто и что может и вправе делать.

А если бы и пришлось требовать устава—тоже не беда. Мы знаем, что наиболее дисциплинированные участники оборота—банки, для которых быстрота и скорость обращения имеет едва ли не больше, чем для кого-либо из других значение, всегда требуют пред'явления формальных легитимационных актов от своих контрагентов.

Идя по пути отметания таких «стеснений», можно считать стеснительным для оборота и требование представления доверенности и многое другое.

Несостоятельна и ссылка на значительность количества внецелевых сделок, как на основание для признания самозаконности этих сделок и отказа от судебной борьбы с ними.

В одном из недавних определений своих ГКК Верхсуда РСФСР по поводу подобной ссылки совершенно правильно указывала: «не заслуживает также уважения возражение, что в нашем обороте внеуставные сделки имеют большое распространение и что очень многие учреждения имеют свои подсобные предприятия, наоборот, именно распространенность этого явления сугубо требует строгого соблюдения законности, и поставленные перед фактом непризнания судом силы за внеуставными сделками госучреждения вынуждены будут вести свою деятельность в пределах, установленных для них законом (опред. от 10 апреля 1926 г. по д. № 31043).

Наконец, неубедительно указание тов. Ландкофа и на то, что судебная практика РСФСР в вопросе о последствиях признания подобного рода сделок недействительными не могла проявить прямолинейности в смысле применения к этим сделкам 147 ст. ГК.

Непоследовательность эта, по мнению т. Ландкофа, об'ясняется принципиальной неправильностью позиции судебной практики РСФСР, не выдержавшей давления интересов оборота.

Вывод этот, логически не безупречный, в настоящее время неправилен и фактически. Передо мной решение ВАК ЭКОСО РСФСР от 28 октября 1926 г. по иску Кооператопа с Мосгубстройсоюзом по жалобе истца на решение Сев.-Зап. АК, признавшей сделку Кооператопа с Мосгубстройсоюзом по комиссионному поручению последнего на продажу экспортного леса недействительной и применившей 147 ст. ГК. ВАК жалобу истца оставила без последствий. (Дело ВАК ЭКОСО РСФСР № 249, 3 ст. 1926 г.).

В своем очередном отчете ЭКОСО РСФСР (за второе полугодие 1925 1926 г.) ВАК по поводу внеуставных сделок указывает, что вопрос об этих сделках был обсужден на Всероссийском с'езде представителей АК в феврале 1926 г. Одной из задач АК с'езд признал борьбу с такими сделками. В виде иллюстрации ВАК в отчете своем приводит именно решение по делу Кооператопа [1]).

След., упрек в непоследовательности судебной практики, по крайней мере в настоящее время, неверен и фактически.

Судебная практика в отдельных случаях, во внимание к особенностям каждого данного случая, может проявить известную «непоследовательность». Однако, отступление от прямолинейности в конкретном случае вовсе не аргумент против принципиальной правильности позиции советского суда в вопросе о пределах правоспособности юрид. лица.

Мне думается, позиция, занятая судебной практикой РСФСР в этом вопросе, единственно правильная, притом не только с точки зрения догмы, но и политики нашего гражданского права.

Последнее же (советское гражданское право), очевидно, не может итти вразрез с той экономической политикой, одним из выражений которой является правительственная директива, приведенная в виде эпиграфа к настоящей статье.

Член Сев.-Западной обл. арб. комиссии
г. Ленинград. **А. Шахназаров.**

Договоры между лесозаготовителями и артелями.

(Из практики гражд. касс. отд. Костромского губсуда).

Развитие хозяйственной жизни страны имеет свое отражение и на хозяйственной жизни отдельных частей нашего государства. Одним из таких отражений хозяйственного под'ема в нашей Костромской губернии является усиленный рост лесозаготовок, так как губерния, в особенности в своей северной части, имеет большие массивы леса, удобные пути перевозки лесоматериала.

Поэтому вполне естественно, что одной из основных категорий дел, проходящих через некоторые нарсуды и губ. касс. отд. губсуда являются дела, вытекающие из лесозаготовок.

Чтобы систематизировать свою кассационную практику, подвести ей итоги и наметить линию по этим делам в будущем, мы произвели изучение этой категории дел.

Это изучение ярко выдвинуло три следующих момента:

1. Разнообразие, слишком пестрое, в договорах между лесозаготовителями и артелями.
2. Неясность вопроса о природе этих договоров.
3. Спорность некоторых моментов, вытекающих из причинения вреда на лесозаготовках.

В нашей статье мы остановимся на результатах проработки этих вопросов.

I.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении этой категории дел,—это пестрота содержания договоров между лесозаготовителями и трудовыми артелями. В губернии имеется три основных района заготовок (бассейн р. Ко-

[1]) См. «Е.С.Ю.» № 4—27 г., стр. 98.

стромки, р. Унжи, Сев. жел. дор.), и каждый район имеет свою особенность.

Получается такая ненормальная картина, когда в одном районе (р. Унжа) при заболевании лесоруба или его лошади на лесозаготовках за простой и время болезни лесоруб получает компенсацию, кроме обусловленной по договору медицинской помощи, другой район (р. Кострома)—за время болезни никакой компенсации не получается, за исключением лечебной помощи, а в третьем (Сев. жел. дор.—ни того, ни другого: организация (Т. Л. О. Сев. ж. д.) имеет на руках только «аптечку», которая и должна спасать лесоруба и его лошадь от всех бед и напастей.

Такое положение мы считаем не совсем нормальным. Оно указывает на то, что профсоюз сельхозлесрабочих еще не сумел охватить своим влиянием всю губернию и поставить делу защиты интересов своих членов на должную высоту. На эту слабую сторону его работы мы обращаем внимание профсоюзных органов.

Здесь еще необходимо добавить, что форма некоторых договоров внушает большое недоверие, она очень похожа на форму договора подряда.

Хозяйственник старается всячески сжать свои обязанности по отношению к артели. Ему выгоднее договор подрядный, нежели трудовой.

Это положение не ликвидировано еще до сих пор, хотя суд своей работой оказал большую помощь профсоюзам. Как пример такой путаницы, можно привести договор, заключенный Волгаокалес с Каликинской труд. артелью через ККОВ.

В первой половине договора имеются обязанности, лежащие на артели (точь-в-точь как в подрядном договоре—риск полностью на артели) и в конце как бы незаметно проскальзывает: «а заработную плату обязуюсь уплачивать наравне с рабочими завода».

II.

Следующий пункт, над которым нам пришлось много думать и спорить, это вопрос о природе имеющихся отношений между лесозаготовительными организациями и артелями лесорубов.

Этот вопрос имеет огромное практическое значение для тех последствий, которые вытекают из договоров.

Существующая юридическая литература по этому вопросу содержит много недоговоренного, и полного ответа на природу отношений мы не находим. (Гойхбарг—Хоз. Право т. 1 стр. 160, подряд. Вольфсон—Учебник гр. права ч. 2. Варшавский—«Подряды и поставки в СССР», глава о подряде и смежных договорных типах. Войтинский—Трудовое право СССР, гл. III, § 1).

Раз'яснение по данному вопросу III отд. НКЮ (НКФ'у от 5 октября 1923 г.) категорически говорит, что «при столкновении формальной видимости подряда с экономической сущностью трудового договора следует на основании ст. 35 Гр. Код. положить в основу вторую (экономическую сущность) как условие более существенное».

Другое раз'яснение, которое получено на запрос нашей прокуратуры из НКЮ по вопросу о природе договоров по лесорубочным работам, признает данные отношения трудовыми, исходя из того, что подрядчик до получения вознаграждения затрачивает свои собственные средства или несет определенный риск, а лесорубы никаких своих средств в полученную ими работу не вкладывают, а если на работу и являются со своими пилами и топорами, то эти орудия производства не могут рассматриваться, как затрата ими определенного капитала.

Просматривая периодическую печать, мы на протяжении 1925 и 1926 г. находим ряд довольно солидных статей только в одном «Е. С. Ю.» № 35—1925 г. статья «Трудовые артели»; № 47 того же года—«Бытовые и трудовые артели»; № 3—1926 г.—«Подряд или трудовой договор». артели»; № 5—26 г.—«Трдуовые коллективы и трудовые Столь большое количество статей говорит за то, что вопрос о природе договоров подряда и трудового имеет актуальное значение для практической работы судебных органов, а не вызван простым «академическим» интересом.

Останавливаясь непосредственно на постановлении НКТ от 12 января 1924 г., а также и на его постановлении от 12 апреля 1923 г. об условиях труда на сплавных работах, мы должны сказать, что НКТ совершенно правильно ввел на сплавных (а также и лесозаготовительных) работах, в виду специфичности этих работ, необходимости их производства в зависимости от уровня речной воды и иных стихийных сил природы и выполнения их преимущественно местным крестьянским населением большею частью на артельных началах,—упрощенную регламентацию труда и особые из'ятия по распространению на них Код. Зак. о Труде (в связи с особым характером рабочей силы, используемой на данных работах), т.-е. НКТ совершенно правильно признал подобные отношения трудовыми, но не чистого типа, а с ограниченным кругом обязательств, возлагаемых на стороны.

След., из всего приведенного материала мы можем сделать вывод: данные отношения не могут быть регламентированы как договор подряда (несмотря на то, что форма их иногда очень близка к этому типу договора), так как экономическая сущность подобных договоров говорит об их трудовом характере, и, с другой стороны, они не подходят целиком под действие Код. Зак. о Труде, как особого типа трудовые договоры (специфичность работы и рабочей силы).

Но все же, несмотря на некоторую ясность, которую мы получили от подобного исследования вопроса, мы в применении этих положений в жизни встречались и встречаемся с многими жизненными отношениями, которые не разрешены ни действующим законодательством, ни практикой и указаниями вышестоящих авторитетных инстанций. Везде умалчивается и обходится стороной вопрос об ответственности лесоруба за проделанную работу, об ответственности за порчу и сохранность материала.

Приведу примеры.—Артель лесорубов нанялась на работу. Был заключен трудовой договор, утвержденный инспектором труда. По договору артель обязалась вырубить и вывезти известное количество лесоматериала. В договоре стоит пункт об убытках в случае его невыполнения. Артель не выполнила договор на ¼, уйдя на работу к другой организации за более высокую плату. Отсюда возник вопрос: можно ли взыскать убытки с артели по иску организации, получившей эти убытки благодаря тому, что она вынуждена была нанять дорабатывать другую артель, но уже по более высоким ценам? Или: один УИК заключил трудоговор с артелью пильщиков по распиловке бревен для постройки больницы. Был взят аванс. По договору артель обязана была приступить к работе не позднее 10 марта 1926 г. и кончить не позднее 1 апреля. Артель на работу не вышла, а 31 марта пишет УИК'у: «мала цена, нужно прибавить». Время работы упущено, цены уже поднялись, и УИК заключает договор с другой артелью, а к этой пред'являет иск об убытках, полученных им от найма другой артели по увеличенным расценкам и о возвращении аванса. Можно ли здесь взыскивать убытки? Код. Зак. о Тр. не знает подобных убытков, а постановление НКТ от 12 января 1924 г. ответа на этот вопрос не дает.

Мы имеем целый ряд договоров, утвержденных инспекцией труда, в договорных пунктах которых в качестве «нормального» положения введены пункты об убытках от

невыполнения или ненадлежащего выполнения принятых артелью на себя обязательств (в том числе и ответственность за целость и сохранность врученного материала). Например: за порчу древесины артель уплачивает попенщину, стоимость испорченной древесины, при чем стоимость самих работ не оплачивается, испорченная древесина остается в собственность дороги... (п. 9 трудового договора Ананьинской артели Каликинской вол. с Сев. жел. дор.).

Как это у нас разрешалось? Практически мы в своей работе в ГКО Костромского губсуда исходили из постановления НКТ, считая подобные отношения трудовыми отношениями.

Дела рассматривались в порядке трудовой подсудности, и перед нами постоянно стоял вопрос о законности и целесообразности некоторых договорных пунктов: 1) об убытках и 2) штрафах. Штрафы в своей практике мы отвергли, ибо наше трудовое законодательство принципиально против подобного положения вещей, с одной стороны, а, с другой, штраф (как вид неустойки) характеризует собою договор подряда.

Убытки наша практика приняла, и все решения нарсуда, которые взыскивали убытки от невыполнения договора, ненадлежащего выполнения, утери материала касс. отд. оставлялись в силе.

Основным мотивом здесь является экономическая целесообразность. Государство через свои органы (прокуратура, суд, инспекция труда) охраняет труд лесоруба. Сам лесоруб через свои союзные организации имеет полную возможность защитить экономические интересы. Если бы эти договоры возлагали на хозяйствующие государственные органы только обязанности по отношению к рабочей силе, то мы получили бы совершенно ненормальное положение, когда лесоруб-крестьянин, ничем не обязанный и ничем не связанный (ибо он имеет свое сельское хозяйство в противовес рабочему, связанному тем, что он никакого своего хозяйства не имеет и только продает свою рабочую силу), начал бы свободно уходить и переходить из одной организации в другую или вообще домой.

Такую картину мы и наблюдали в прошлый заготовительный сезон. Заготовители в погоне за рабочей силой пустились между собой в усиленную конкуренцию, результатом которой явилось переманивание рабочих артелей от одного заготовителя к другому, ненормальное повышение заработной платы, доходящее до того, что лесоруб, заработав вполне порядочную сумму денег, отказывался вообще от дальнейшей работы и ехал домой на отдых.

Получилось нечто вроде Тушинского перелета. Перебеги артелей от одной организации к другой приняли массовый характер, несмотря на пункты трудовых договоров, обязывающие лесорубов исполнением взятых на себя обязательств и подкрепленных пунктом об убытках, которые работодатель имеет взыскивать с артели в случае, если она не исполнит добросовестно взятые на себя обязанности.

Перед нами здесь стоял еще другой вопрос, может ли суд оказать свое воздействие на разбушевавшуюся стихию рынка или он окажется бессильным что-либо сделать. Мы стали на ту точку зрения, что если государство, с одной стороны, дает лесорубу гарантию того, что его интересы защищаются достаточно полно, то, с другой стороны, это же государство, в лице своих организаций, не может ставить себя в такое положение, когда оно может потерпеть большой ущерб в своей деятельности.

Да и для лесорубов это означало бы подрубить сук, на котором они сидят. Исходя из того положения, что данные отношения чистым типом трудовых отношений не являются, мы решения нарсудов, постановлявших взыскивать с артелей лесорубов убытки от неисполнения труддоговора, оставляли в силе.

Одно из таких решений нарсуда по договоренности с губисполкомом нами было опубликовано в местной прессе, и результат его превзошел даже наши ожидания: при весенней поездке наших представителей по губернии было выяснено, что это решение оказало большое воздействие на лесорубов и заставило их серьезно подумать о выгоде перелета от одного заготовителя к другому, оно оказалось отпечатанным и известным всем заготовителям и лесорубам. В результате была достигнута некоторая устойчивость договорных отношений. Цель, стоящая перед судом,—воспитательное значение его решений—оказалась достигнутой.

Мы считаем нашу установившуюся уже теперь практику по этому вопросу соответствующей духу и намерениям законодателя и экономической политики государства.

Кроме целесообразности наших действий и полного соответствия с экономической политикой государства, мы под нашу практику подводим теоретическую базу.

Если бы законодатель предположил труд крестьян, работающих на лесоразработках, приравнять к труду рабочих на производстве, то он, наверное, распространил бы на них действие Код. Зак. о Труде.

Мы же имеем директивные акты НКТ, указывающие нам, что данные отношения являются трудовыми лишь в части, полностью же КЗоТ сюда не распространяется. След., у данных отношений есть какие-то особые черты, отличающие их от общетрудовых отношений. Этими отличительными чертами являются: 1) категория лиц, принимающих участие в данных работах,—крестьяне, большею частью организованные в артели; 2) характер самих работ, производящихся в лесу, разбросанных на большие расстояния, на реке, непосредственно зависящих от действия сил природы.

Но действующее законодательство, указывая на пределы, в которых эти отношения считаются трудовыми, обходит молчанием другую сторону—степень ответственности за проделанную работу. Этот пробел в законодательстве мы и пытаемся провести в своей практике. Радикальным разрешением вопроса мы считали бы опубликование законодательного акта, который о к о н ч а т е л ь н о б ы р а з р е ш и л с п о р н ы е п о л о ж е н и я.

III.

Основная масса дел, проходящих через нарсуды губернии, вытекающих из лесозаготовок, является делами, вытекающими из обязательств, возникающих вследствие причинения вреда (гл. XIII Гр. Код.).

Здесь суд встретился с теми практическими отношениями, которые существуют между сторонами, и ясно, что, встретившись с сложными гражданскими отношениями, оказался не сразу на должной высоте. Некоторые нарсуды начали широко применять ст. 406 Гр. Код. по отношению к государственным организациям-лесозаготовителям, несмотря на ясную линию, которая в этом вопросе была взята Верхсудом и нашим гражд. кассац. отд. В данный момент это положение нами выправлено, и нарсуды ведут единообразную линию.

Ряд дел, прошедших через ГКО, поставил перед нами недоуменный вопрос: почему-то в районе р. Унжи крестьянские лошади в тот момент, когда крестьянин-заготовитель ищет рыночную стоимость за падеж ее или увечье, оказались в «большой цене»—в среднем 250—300 рублей, тогда, когда нам по личному опыту поездок в эти районы известно, что такая цена является высшей ценой лошади в данном районе, а обычно лошади этого района малоценны.

Почему получают увечье и падают только «хорошие» лошади? Мы в этом глубоко усомнились. Действительная картина, конечно, не такова, здесь ясно налицо злоупотребление со стороны некоторых крестьян. Мы в этих случаях дали указания нарсудам относительно более строгой проверки стоимости лошадей. Но это не выход из положения, т. к. крестьянин приходит в суд «с доказательствами»— страховым листом и свидетелями, членами своей артели или однодеревенцами, а лесозаготовитель без документов и без свидетелей. Основным выходом из положения здесь может быть предварительная оценка лошади и медицинский осмотр ее перед началом работ.

Тот расход, который понесет заготовитель на организацию и проведение подобного осмотра, возместится исключением возможности шантажа со стороны лесовозов-крестьян и отсутствием судебных дел и исполнительных листов. В связи с взысканием за время простоя лошади мы практически встретились с одним огромным затруднением. Лошадь дешевая (иногда почти кляча) попортила себе ногу. Организация ее лечит. Но, кроме лечения, по ряду договоров организация должна платить еще и за время простоя. В результате за нормальный простой в 7—10 дней причитается к уплате по договору 20 — 30 рублей. Но иногда простой по причине болезни затягивается до 2—3 месяцев, и за простой лошади, стоящей 100—150 рублей, причитается по договору платить столько же, сколько она сама стоит, а иногда и больше.

По 410 ст. Гр. Код. мы знаем возмещение за вред, как восстановление прежнего состояния, а при невозможности такового—возмещения причиненных убытков. Ясно, что убытки не могут быть дороже стоимости самой лошади, и получение суммы, превышающей стоимость лошади, является, по нашему мнению, неосновательным обогащением.

Как выход из этого положения, необходимо в договорах между сторонами оговаривать этот вопрос сроком платежа, размером его по отношению к цене лошади—только это выведет стороны из ненормального положения.

Из последнего типового договора, утвержденного ВЦСПС и НКЗ, такой предельный срок для людей за время болезни установлен в два месяца. А о лошадях почему-то позабыто.

Следующим вопросом, который всегда вызывает на суде спор между сторонами, является вопрос об условиях работы на лесозаготовках. Лесоруб производит работу вне каких-либо технических сооружений, непосредственно в лесу. Условия работы таковы, что лесоорганизации не имеют возможности установить по всему району технический контроль. Поэтому валка леса производится лесорубами по общепринятому шаблону, и осторожность в процессе работы самих лесорубов служит для работающих единственным залогом предохранения от несчастных случаев. В лесу также бывают случаи, которые предусмотреть не может ни лесоруб, ни лесозаготовитель. Береза может упасть и тогда, когда самый опытный лесоруб не ожидает этого: гнилость, сильный мороз и небольшой ветер. Организации пробовали ссылаться в данных случаях на «действие непреодолимой силы». Мы эту ссылку не приняли, ибо факт нахождения в лесу гнилых берез, сильного мороза и небольшого ветра не является, по нашему мнению, той непреодолимой силой, наличность которой влечет за собой освобождение предприятия от ответственности за причинение вреда. Это есть нормальная обстановка лесозаготовок.

Цель настоящей статьи—поделиться нашей практикой с судами тех губерний, где имеются развитые лесозаготовки, ибо по этому вопросу мы не имеем полных и определенных решений и определений высших судебных и законодательных органов.

Взаимная критика и сообщение о своей практической работе должны помочь нам в установлении единообразных принципов работы, и, может быть, явятся толчком для пополнения неполного и неясного в некоторых пунктах законодательства.

Врид. губернского прокурора **А. Сидоров.**

г. Кострома.

<>

Судебная и административная милиция [1]).

Тов. Водопьянов в своей статье «Судебная и административная милиция», помещенной в № 46 «Е. С. Ю.», затронул давно навязшую каждому работнику следствия и дознания мысль о параллелизме работы предварительного следствия и дознания.

Параллелизм этот был очевиден сразу же с момента опубликования декрета о народном суде, когда вводился институт народных следователей и когда органов, производящих расследование преступлений, вообще было несравненно более, чем в настоящее время. На наш взгляд, слияние всех органов, производящих расследование, в один стройный однообразный следственный аппарат, подчиненный НКЮ, является преждевременным даже и в настоящее время.

Кто будет возражать, что при наличии одного об'единенного органа, ведающего делом раскрытия преступлений, будут достигнуты две главные и основные цели—быстрота и качество произведенных расследований? Но против предлагаемых методов тов. Водопьяновым найдется не мало и веских возражений.

Если даже допустить, что парследователь в своей «камере», заваленный «бумажными делами», не знает своего участка, и, лишенный самых элементарных средств, какие создала уголовная техника последнего времени (сомнительно, чтобы эта техника была выше в милиции), не может раскрыть поэтому какого бы то ни было преступления, ранее не раскрытого милицией (даже по нежеланию?), то под большее сомнение приходится подвести заключение автора, что уголовный розыск в смысле техники расследования преступления стоит несравненно ниже милиции. Возможно, конечно, что окружающая тов. Водопьянова милиция так грамотна, опытна и технически прекрасно обставлена, что местному уголовному розыску ничего не остается, кроме того, чтобы пользоваться в делах раскрытия преступлений техникой и услугами такой милиции.

Но таково ли положение вещей повсеместно? Нам представляется, что нет. Наоборот, мы берем смелость утверждать, что наш уголовный розыск, как следственный и розыскной орган, во всех отношениях стоит несравненно выше милиции, и в этом ему по справедливости нельзя отказать.

Правда, переходя к вопросу практического осуществления ликвидации параллелизма предварительного следствия и дознания, автор в части согласия о малоподготовленности нашего дознавательского аппарата в первую голову упоминает милицию, а затем уже уголовный розыск, тем не менее мысль, что милиция является более квалифицированным

[1]) Печатается в порядке обсуждения. *Редакция.*

органом в деле раскрытия преступления, чем уголовный розыск, автором вообще не оставлена.

На наш взгляд, за несвоевременность рекомендуемого автором слияния следственного аппарата в один орган «судебную милицию», какое название автор рекомендует придать этому органу в будущем, говорит, главным образом, следующее:

1. Несколько сомнительно, чтобы при разделении функций административных и судебных из милиции, включая уголовный розыск и нарследователей, выделился достаточный кадр следственных работников вообще и особенно в деревне.

2. Нарследователь, об'единяя, допустим, весь следственный и розыскной аппарат города, не может, полагаем, без существенного нарушения УПК, прекращать те, назовем для однородности, дознания, которые он, не будучи связан с органами дознания, а являяясь органом, их контролирующим, прекращает, как поступившие в порядке п. 1 ст. 105 УПК, так как названный порядок оставил бы за движением таких дознаний меньший, чем при существующем положении, контроль.

3. Предлагаемый порядок реорганизации, имея, правда, значительные положительные стороны (быстрота и качество), на наш взгляд, создает несравненно больший, чем в настоящее время, расход на содержание следственных камер-бюро в уезде, где, очевидно, явится необходимым организовать такую камеру-бюро во главе с нарследователем на каждую волость, так как нельзя же допустить, чтобы потерпевший, допустим, от какой-нибудь незначительной кражи для заявления о преступлении должен был явиться в камеру-бюро судебной милиции, находящуюся от места преступления в соседней волости верстах в 50—70, каковое расстояние не является исключительным при настоящем распределении следственных участков, и такой порядок не исключил бы возможность отказа от возбуждения уголовного преследования.

4. Сумма, необходимая для судебной милиции на раз'езды при наличии организации камеры-бюро такой милиции даже в каждой волости, нам представляется, превысит отпускаемые на раз'езды нарследователям и милиции уезда вместе взятых раза в четыре, так как при рекомендуемой реконструкции аппарата представитель административной милиции, выехавший, к примеру, для поддержания порядка по случаю какого-либо праздника в одно из селений волости, не может приступить к производству дознания по жалобе потерпевшего, побитого на празднике, как лицо неправомочное производить расследование вообще.

Выводы, на наш взгляд, по данному вопросу заключаются в том, что в настоящее время, когда милицейский аппарат страдает благодаря необеспеченности чрезвычайной текучестью, вопрос о слиянии органов следствия с органами дознания является преждевременным, но чтобы до некоторой степени избавиться от параллелизма, нам представляется необходимым категорически предложить местам точно выполнять 99 и 106 ст.ст. УПК, не допуская органам дознания вести полное дознание, за исключением, конечно, необходимого, по тем делам, по которым предварительное следствие обязательно, для чего не является даже лишним конкретно указать органам дознания и следствия, какие именно действия следует понимать под словом «необходимого».

Ф. Мирский.

г. Вятка.

Нужна ли реорганизация органов дознания и следствия? [1])

Тов. Д. Водопьянов в своей статье «Судебная и административная милиция» («Еж. Сов. Юст.» № 46 1926 г.) вновь поднял вопрос о кажущейся полной нецелесообразности и непрактичности организации милиции, угрозыска и следственного аппарата [2]). Этому же вопросу на страницах «Административного Вестника» в текущем году также было посвящено несколько статей [3]).

В основном наметилось два течения по вопросу о реорганизации: первое—за выделение судебной милиции, слияние ее с угрозыском и передачу в ведение Наркомюста, в лице следователей; второе—за упразднение института нарследователей и передачу их функций органам дознания.

Основные доводы, приводимые сторонниками слияния органов «судебной милиции» и угрозыска со следователями, сводятся в общем к тому, что: 1) при существующей структуре расследование преступлений проходит две инстанции: дознание и предварительное следствие; 2) нарследователь завален делами, поступающими от органов дознания, и у него не остается времени на живое дело; 3) нарследователь лишен возможности раскрыть преступление и найти виновного, если милиция не нашла или не захотела найти его; 4) вся милиция и угрозыск состоят из малограмотных людей, не имеющих никакой подготовки и слабо знающих свои обязанности; 5) наличие трех разобщенных между собою органов, производящих расследование.

Сторонники упразднения института нарследователей, в свою очередь, приводят следующие мотивы: 1) работа нарследователей заключается только в переписке заключений органов дознания или надписи на них «согласен»; 2) уровень знаний многих следователей не выше уровня знаний органов дознания, в то время как следственный аппарат не дешево обходится государству; 3) следственный аппарат является излишней перегородкой на пути к суду, а иногда и складом, где по полугода залеживаются дела; 4) материальное улучшение органов дознания за счет следственного аппарата даст им полную возможность справиться с работой дознания и следствия.

Тов. Водопьянову нельзя отказать в справедливости его замечания о том, что наши следователи загружены кабинетной работой по рассмотрению дел, направляемых органами дознания в порядке 105 ст. УПК. Но более чем странно, что козлом отпущения тов. Водопьянов выбрал именно органы дознания—милицию и угрозыск,—сваливая на них всю вину и делая отсюда вывод о непрактичной и нецелесообразной их организации. Если уже искать причину, по которой следователь оторван от живого дела, то искать ее следует и можно найти в нашем законодательстве, в УПК. Мы все еще помним время, когда рассмотрением дознаний ведал не следователь, а прокурор. Новеллы, введенные в УПК постановлением высших правительственных органов 16 октября 1924 г., освободили прокурора от этой обязанности, возложив ее на следователя. Какие цели преследовались при введении этих новелл? Во-первых, разгрузить прокурора, чтобы дать ему возможность шире осуществлять надзор за революционной законностью не только в области производства дознаний, но и во всех отраслях советского и хозяйственного строительства. Во-вторых, приблизить следователя к органам дознания, поручив ему осуществление непосредственного контроля

[1]) Печатается в порядке обсуждения. *Редакция.*

[2]) См. «Е. С. Ю.» 1925 г. № 8, стр. 194.

[3]) См. «Административный Вестник» 1926 г. № 1, стр. 56, № 4, стр. 11 и 56, № 3, стр. 11.

и надзора за ними и предоставив ему право широкого использования органов дознания при производстве предварительного следствия. На-ряду с этим, как бы компенсируя следователя, законодательство значительно, до наивозможнейших пределов ограничило круг статей Угол. Код., по которым обязательно предварительное следствие. При этом 96 и 385 ст.ст. УПК и установленная жизнью практика освобождают следователя от необходимости обязательного личного вступления в расследование каждого дела, предусмотренного 108 ст. УПК.

К этому же 107 ст. УПК предоставляет следователю широкое право надзора по любому делу, находящемуся в производстве органов дознания, а 109 ст. УПК дает ему возможность ограничиваться по произведенным по этим делам дознаниям пред'явлением обвинения обвиняемому, его допросом и составлением обвинительного заключения.

Таким образом, на долю следователя остается надзор за закономерностью действий всех органов дознания и непосредственное производство следствий по делам особой сложности и широкого общественного значения, при чем при ведении следствия он отнюдь не беспомощен, так как имеет полное право предлагать органам дознания произвести те или иные отдельные действия, а также пользоваться всеми собранными в последних материалами на преступный элемент.

Допустим на минуту, что органы дознания, «судебная милиция» и угол. розыск, переданы в подчинение нарследователей. И если сейчас тов. Водопьянов считает довольно странным «придание силы актов предварительного следствия актам дознания» только потому, что к ним «приложил руку» следователь, то разве менее странно будет и то положение, что акты расследования приобретают силу актов предварительного следствия потому, что производящий расследование сотрудник подчинен нарследователю и находится в его аппарате. При этом едва ли осуществимо будет для нарследователя, стоящего во главе следственного аппарата, самому наблюдать за закономерностью своих действий. Значит, надзор за деятельностью следственного аппарата в целом и по каждому отдельному делу должен перейти к прокурору, значит, нужно возвратиться к положению, существовавшему до октября 1924 г.

Но, может быть, тогда нарследователь не будет кабинетным работником? Он им будет еще больше. Он в силу вещей должен будет превратиться в начальника, в главу аппарата и ему достаточно будет работы в области руководства и направления деятельности своих подчиненных, в деле организации аппарата, в выработке и проведении в жизнь целых систем предупредительных мероприятий против преступников и преступлений и т. п.

Если сейчас следователь все-таки имеет возможность личного производства следствия, то тогда он этой возможности иметь не будет. Если сейчас ему приходится рассматривать только часть дел, указанных в п.п. 1 и 3 ст. 105 УПК, то тогда он должен рассматривать все дела, направляемые в суд. Он уже не будет являться тем чистым представителем органа суда, органа надзора за революционной законностью, которым он является в настоящее время. При этом большая часть дел попрежнему должна будет проходить две инстанции: следственный аппарат и прокуратуру, на которую, таким образом, вновь ляжет бремя рассмотрения дел в ущерб другой работе.

«Если орган дознания не захотел найти преступника, то и следователь лишен возможности его найти»,—заявляют сторонники слияния органов дознания со следователями. Постановка вопроса несколько странная. Ведь, в конце-концов, в таком же положении может оказаться и суд, если следователь также «не пожелал» найти преступника. Вообще же можно на это ответить, что плох тот следователь, у которого находящиеся под его контролем и надзором органы дознания при производстве расследований направляют исход дела по своему желанию.

При такой постановке вопроса следователь едва ли будет иметь возможность найти виноватого даже и при том положении, когда будет иметь в своем распоряжении необходимый штат работников, если сотрудник, которому он поручил дело, не находит нужным найти виновного. Целиком и полностью должен быть опровергнут этот пункт, выдвинутый автором, очевидно, исключительно для придания пущей убедительности своим доводам.

Следующий довод необходимости слияния напирает на малограмотность работников органов дознания и на слабое знание ими своих обязанностей. В этом есть доля правды. Огулом спорить против этого пункта действительно трудно. Тем более трудно, что не только среди работников дознания, но и среди следователей встречаются работники с крайне низким уровнем знаний, не могущие не только давать руководящие указания органам дознания, но и сами нуждающиеся в таковом больше, чем первые.

Но мы напирать на это обоюдоострое оружие не будем. Нас интересует другая сторона вопроса: какое имеет отношение целесообразность организации органов дознания к грамотности и знанию своих обязанностей работниками этих органов.

Разве только от того, что эти же самые, полуграмотные, скажем, работники перейдут в непосредственное подчинение следователей, сразу же поднимется на надлежащую высоту их уровень знаний, способность разбираться в наисложнейшей обстановке, выработается об'ективность, чутье и прочие прекрасные качества, необходимые для работников, ведущих борьбу с преступностью?

Такая мера не поможет. Руководящими органами дознания принимаются более продуктивные меры улучшения состава в качественном отношении. Постепенное улучшение материального положения работников дознания, сеть милицейских и уголовно-розыскных школ служат залогом тому, что качественный состав работников милиции и угрозыска может улучшаться и он улучшается.

Разве без учета этих улучшений в личном составе законодательство с каждым годом расширяет круг обязанностей органов дознания передачей им для расследования целой категории сложных дел?

Органы дознания, в свою очередь, оправдывают оказываемое им доверие, и материалы НКЮ свидетельствуют, что, несмотря на расширение круга обязанностей милиции и угрозыска по производству дознаний, процент возвращаемых для доследования или дополнения дел от нарсудов и нарследователей имеет тенденцию к неуклонному понижению.

Авторы слияния дознания со следствием насчитали только три органа, производящих расследование: милицию, угрозыск и следственный аппарат. Однако, 97 ст. УПК предусматривает значительно большее число этих органов. Чтобы быть последовательным, нужно было бы говорить и о слиянии с этими органами.

Конечно, не может быть и речи о передаче в целях односистемности в аппарат НКЮ всевозможных инспекций — санитарной и др. Остается милиция и угрозыск. Прежде всего фактически милиция и угрозыск не два самодовлеющих аппарата, а организационно увязанный один орган власти, имеющий своим основным назначением вооруженную охрану революционного правопорядка и безопасности и борьбу с преступностью.

Раз'единить милицию, отнять от ней уголовный розыск, выделить судебную милицию—это значит обезличить вообще

милицию, как орган власти. Административная милиция, как она мыслится после этого разделения, явится ни больше, ни меньше. как отрядом сторожей на улицах, наблюдающих за внешним порядком. Правда, ей оставляют «многообразные функции» чисто административного характера, по оказанию содействия, т.-е. служить на побегушках.

Всю же вооруженную охрану революционного правопорядка и борьбу с преступностью берет на себя Наркомюст. С этим связано и проведение в отдельных местностях чрезвычайных мер охраны, и учет и регистрация преступного элемента в республиканском и общесоюзном масштабах, и розыск лиц по отдельным требованиям и спискам, и координация действий по борьбе с крупными, вооруженными шайками бандитов и грабителей и многое другое, чего, очевидно, тов. Водопьянов себе и не представляет.

След., тут нельзя ограничиться только выделением из милиции и угрозыска лиц, ведущих борьбу с преступностью или производящих дознание, и передачей их в ведение следователей. Милиция и угрозыск у нас организованы централизованно, сверху до низу, при чем высший орган, напр., республиканский, губернский, окружной и т. д., помимо непосредственной работы по борьбе с преступностью в месте своего расположения, руководит и об'единяет оперативную деятельность нижестоящих органов, помогая им не только указаниями, но в случае надобности и живой силой; собирает материалы о преступном элементе всей республики, губернии, округа и т. д. и снабжает ими подведомственные органы. Что же будет при создании камер-бюро следственного аппарата? Каждый парследователь будет, быть может, знать преступный элемент своего участка, ну, а дальше? Кто их будет об'единять, координировать оперативные действия? Где будут сосредоточены материалы о преступном элементе округа, губернии и т. д.

Значит, отсюда вытекает необходимость организации при НКЮ, при губ., окр. и уездных прокуратурах специальных управлений и отделов следствия, с подразделением на части: активную, регистрационную, секретную и арестных домов (следуя существующей терминологии), т. к. плановой и плодотворной работы по борьбе с преступностью без этих частей добиться невозможно. Следователи же, как мы говорили, явятся в этой системе ни больше, ни меньше, как начальниками уголовно-розыскных аппаратов, с полной утратой даже всякой видимости следователя, как он мыслится согласно УПК.

Увеличение штатов НКЮ в связи с такой перорганизацией должно быть несомненно большое, в то время как аппарат милиции пропорционально этому увеличению сократить не удастся.

Мы уже не останавливаемся на целом ряде других «мелочей», с которыми связана такая простая, по мнению тов. Водопьянова, переорганизация.

Стоит ли такая игра свечей? Нужна ли Наркомюсту такая обуза? Действительно ли она упростит работу?

Ведь, в конце-концов, весь вопрос сводится к тому, чтобы дела о преступлениях не проходили нескольких инстанций, а во главе аппарата расследования находилось лицо с достаточным образованием, могущее юридически обосновать заключения, и т. д. Так, может быть, лучше институт следователей упразднить, поставив лучших из них во главе хотя бы уголовных розысков. На этом и стоят авторы другого проекта, приводящие в защиту его довольно - таки веские соображения. Было бы соблюдено и приближение момента окончания расследования к моменту суда и удешевление аппарата и улучшение за счет упразднения парследователей материального положения органов дознания, а заодно и улучшение качественного состава последних. Без всякой организационной ломки и перестройки аппарата милиции и угрозыска,—добавим мы к этому от себя.

Но пока и эта мера несвоевременная, и от нее нужно отказаться, так как при наличии еще недостаточно квалифицированного личного состава работников органов дознания нужен глаз, который в отношении наиболее сложных дел критически отнесся бы к собранному материалу прежде, чем представить его на рассмотрение суда.

Таким глазом является в настоящее время следователь, играющий особенно важную роль в районах.

Народные следователи являются связующим звеном между дознанием и судом, выполняя функции надзора за органами дознания и осуществляя предварительное следствие по особо сложным делам.

Дальнейшее улучшение органов дознания как в отношении повышения качества личного состава, так и повышения качества производимой работы само, по нашему мнению, вызовет отмирание института следователей. Для следствия же по особо важным делам достаточно будет наличия старших следователей.

Всякое же разделение милиции и уголовного розыска на милицию «судебную», во главе с парследователями, и милицию административную, ничего, кроме вреда общему делу борьбы с преступностью, принести не может и поэтому должно быть категорически осуждено и отброшено как совершенно негодное средство.

В. Власов.

г. Минск.

Задачи и методы работы прокуратуры по наблюдению за деятельностью земельных комиссий.

Можно считать в достаточной степени ясным, что ни в настоящее время, ни в ближайшее время не предвидится разрешение в положительном смысле вопроса о ликвидации земельных комиссий и передаче спорных дел о правах на землепользования в народные суда. Новое Положение о судоустройстве, по крайней мере, никаких существенных изменений в этом отношении не вносит.

Известно, что целый ряд соображений в свое время выдвигался и поныне продолжает выдвигаться в пользу упразднения земельных комиссий.

Указывалось и указывается на то, что народные суды в достаточной степени подготовлены к рассмотрению земельных дел и сделают это, во всяком случае, не хуже, чем земкомиссии. Тем более, что в настоящее время народным судам приходится рассматривать дела, находящиеся в близком отношении к земельным спорам, как-то: дела о семейно-имущественных разделах (если в таковые не входит земля) и дела о потравах, при чем последние очень часто задерживаются разрешением спорного вопроса о землепользовании земкомиссиями.

Сторонники упразднения земельных комиссий не без основания обращают внимание далее на сравнительные данные о качественной стороне работы земельных комиссий и народных судов.

За прошлый год в этом отношении, напр., имелись такие характерные цифры: а) Обжалование 25,1% рассмотренных уземкомиссиями дел, в то время как процент обжалования решений народных судов составлял всего 9,3%; сопоставление этих процентов доказывает, что решения земельных комиссий гораздо менее удовлетворяют население, чем решения народных судов. б) Процент отмены ГЗК обжалованных решений (43,0%) более высо-

кий, чем процент отмены решений народных судов ГКО губсудов (38,1%), при чем в отношении целого ряда волземкомиссий процент отмены решений в прошлом году доходил до таких внушительных цифр, как 70 и даже 80%. О высоком проценте обжалования и отмены решений земельных комиссий имеются ряд сообщений и за 1926 год. в) Губземкомиссии и волземкомиссии за 1925 год с своей работой не справились, и остатки незаконченных производством дел увеличились в волземкомиссиях на 31,2%, а в губземкомиссиях—на 97,4%. Прокурор Ульяновской губернии в своем отчете за 1 полугодие 1926 г. сообщает, что есть такие волземкомиссии, которые за полгода не разобрали ни одного дела.

Далее, при всех тех крупных недостатках, которые существуют в работе по разрешению гражданских дел парсудами, безусловно ниже как в прошлом году, так и в настоящее время качество работы земельных комиссий, в особенности вол(рай)земкомиссий. Плохое состояние делопроизводства, принятие неподсудных дел, вторжение в своих решениях в сферу компетенции других органов, разрешение дел при неправильном составе суда, неудовлетворительное изложение решений, неправильное взыскание сборов и пошлин, неумение вести процесс, неуказание границ усадьбы при наделении землей, вследствие чего нельзя привести решение в исполнение, отсутствие инициативы суда, требуемой ст. 5 ГПК, невыдержанность классовой линии, рассмотрение спорных дел в распорядительных заседаниях, неявка на заседания членов земкомиссий, разрешение дел в незаконном составе, волокита в исполнении состоявшихся решений — таков далеко не исчерпывающий перечень тех нарушений, которые продолжают отмечать как пленумы губсудов, так и материалы прокурорских обследований. И это несмотря на то, что качество работы земкомиссий в 1925 г., несомненно, повысилось сравнительно с 1924 г., а в 1926 году сравнительно с 1925 г.

Неудивительно, что к мысли о желательности упразднения земельных комиссий склонялись не только ряд губсудов и губпрокуратур, но и некоторые губисполкомы и РК; так, напр., Ленинградская РКИ на основании материалов обследования постановки судебно-земельного дела Ленинградской губ. пришла к выводу о необходимости поднять в законодательном порядке вопрос об изменении целого ряда статей Зем. Кодекса в том смысле, что дела, подсудные волостным земельным комиссиям, должны быть переданы в парсуды, хотя бы в виде опыта.

Все приведенные выше факты в связи с общей перспективой развития системы единого народного суда, в отношении которой прочие суды (в том числе и земкомиссии) могут рассматриваться лишь как временные, понятно, доказывают, что в общем и целом дальнейшее развитие, несомненно, пойдет в сторону осуществления идеи, защищаемой местными и центральными работниками НКЮ.

Но на ближайший период, очевидно, необходимо считаться с фактом функционирования земельных комиссий и делать из него соответствующие выводы в работе как губсудов, так и губпрокуратур, в направлении оказания максимально возможного содействия в деле улучшения и обеспечения условий для более нормального и правильного функционирования земельных комиссий. Необходимость работы в этом направлении, большое значение этой работы очевидны, если вспомнить массу дел, проходящих через земкомиссии по спорам, глубочайшим и непосредственнейшим образом затрагивающим интересы деревни, интересы деревенской бедноты и середнячества. На арене споров, связанных с землепользованием и землеустройством, перед нами разыгрываются подчас чрезвычайно выпукло и ярко эпизоды борьбы различных прослоек деревни. Что кулацкие элементы ищут всяческие легальные и нелегальные возможности использовать в свою пользу и во вред трудящимся эту арену, также не подлежат сомнению.

Вопрос о правильном разрешении земельных споров, таким образом, есть один из вопросов первостепенной важности, один из далеко не безразличных моментов в системе мероприятий по сохранению и укреплению союза пролетариата с беднейшим и середняцким крестьянством. А это определяет и значение указанной выше задачи губсудов и прокуратуры в отношении земельных комиссий.

Дальнейшее изложение ставит своей целью на основании имеющихся материалов подвести некоторые итоги и конкретизировать те методы, при помощи которых разрешают эту задачу органы прокурорского надзора.

Прежде всего, незаменимое значение для надзора в этой области, как в ряде других, имели и продолжают иметь поступающие в прокуратуру жалобы на те или иные действия земельных комиссий, связанные с разрешением земельных споров.

Значительное число обращений в прокуратуру с такого рода жалобами констатирует отчет Прокуратуры Президиуму ВЦИК за 1925 г. Так, в Смоленской губ. из 1.986 жалоб, поступивших в губпрокуратуру, 325 падают на земельные дела, по участкам из 4.645—706. В Чеченской автономной области из 196 жалоб—21. Как констатирует один из циркуляров Псковского губпрокурора, большинство жалоб в уездах падает на земельные споры. В Новгородской губ. число указанных жалоб повысилось с 166 (в I пол. 1925 г.) до 359 (во II) и составляет относительно бо ьший процент (17%) в ряду других категорий поступивших за 2 пол. 1925 г. жалоб. Из числа приблизительно 6.000 словесных обращений в Брянскую губпрокуратуру за 2 пол. 1925 г. 2.095 касались з мельных споров и разделов. Характерен в этом отношении факт, сообщаемый прокурором Нижегородской губ. о том, как в камеру помпрокурора по Нижегородскому уезду явился пешком крестьянин за 60 верст с исключительной целью показать прокурору решение земкомиссий и спросить его мнение о правильности такового.

За I п. 1926 г. мы имеем еще более полные сведения о росте обращений в прокуратуру по земельным делам. Таких обращений было 6.570. Из губерний наибольшее число обращений приходится на Псковскую губ. (465), на Курскую губ. (446), Смоленскую (401), Воронежскую (379). Незначительное число обращений имеем в Мурманской губ. (2), Оренбургской (17), Смоленской (36), Д.-Вост. край (31), Архангельской (35), Астраханской (26).

На основании материалов, преимущественно черпаемых из жалоб, а нередко из газетных заметок, также уделяющих немалое внимание земельным спорам, развертывается и следующий метод надзора — истребование дел земкомиссий в порядке надзора. Если в материалах прокуратуры за 1924 г. и 1925 г. мы находим лишь единичные сведения об этой стороне работы прокуратуры, то в 1926 г. данные уже более полные: их мы находим в отчетах за I п. 1926 г., в сведениях о деревенской работе, наконец, в материалах по исполнению квартальных планов. За I п. 1926 г. истребовано прокуратурой дел земкомиссий в порядке надзора 4.768, колебания числа истребованных дел по отдельным губерниям приблизительно совпадают с указанными выше колебаниями чисел поступавших заявлений. Так, наибольшее истребование дел падает из прокуратур на Воронежскую (274), Курскую (215). Весьма значительно число

истребованных дел по губпрокуратурам: Орловской (243), Пензенской (208), Калужской (235). С другой стороны, имеем и такие недостаточные числа, как 20 (Череповецкая губ)., 9 (Киргизская обл.), 1 (Мурманская), 31 (Архангельская). Несомненно, истребование по жалобам дел земельных комиссий в порядке надзора и в дальнейшем останется одним из доступных и необходимых методов наблюдения за деятельностью земкомиссий со стороны прокуратуры.

Опротестование неправильных решений в результате ознакомления с делами в порядке, установленном для обжалования решений земкомиссий, составляет следующий метод надзора прокуратуры за земельными комиссиями.

Нельзя сказать, чтобы он пока получил достаточное развитие. В массе обжалуемых решений протесты прокуратуры пока занимают скромное место. Перегруженность участковой прокуратуры, а отчасти недостаточное преодоление и усвоение сложного земельного законодательства (немалым препятствием чему, кстати, служит почти полное отсутствие необходимых пособий), поверхностность кое-где производимых обследований земкомиссий, наконец, недооценка кое-где значения этого участка работы—таковы, повидимому, наиболее серьезные причины указанного выше, в общем пока все еще незначительного уровня работы по опротестованию решений.

Тем не менее в текущем году эта работа все же подвинулась вперед. Всего опротестовано решений земельных комиссий за 1 п. 1926 г. из числа 4.768 истребованных в порядке надзора дел—1.289 (т.-е. 27%). Процент этот резко колеблется по отдельным губерниям, составляя, например, по Брянской губ. 16% (6 из 38), Вологодской 42% (24 из 57), Оренбургской 60%, Самарской 64% (21 из 33), Д.-Вост. край 8% (6 из 74). Подавляющее большинство протестов признаны обоснованными, и из числа 1.289 протестов отклонены лишь 129, т.-е. около 9%. Большой процент отклоненных протестов падает на губ. Тамбовскую (10 из 35), Сев.-Двин. (9 из 19), Марийская обл. (4 из 8). Большинство протестов принесено в ГЗК, меньше в ОКВК. Для скорейшего рассмотрения дел, решения УЗК и ВЗК, вступившие в законную силу, опротестовывались рядом прокуратур не в ОКВК, а в кассационном порядке (ст.ст. 2, 62 ГПК и ц. Верхсуда № 11—1925 г.) через ГЗК.

Вступление в земельный процесс, как и вообще в гражданский процесс, осуществляется в порядке как 2, так и 12 ст.ст. ГПК.

Возбуждение самостоятельных исков, однако, здесь встречается в виде крайне редких случаев. Определение круга дел, требующих вступления прокуратуры в процесс в порядке ст. 2 ГПК, здесь в общем и целом, теоретически рассуждая, определяется таким же образом, как и в гражданском процессе: это все такого рода дела, где участия прокуратуры требует защита интересов трудящихся и государства.

Руководствуясь этим основным принципом, как видно из отчета за 1925 г., некоторые прокуратуры, как, напр., Рязанская, выделили для особого наблюдения дела волземкомиссий по искам земельных обществ к отдельным гражданам, в виду постоянного проживания последних в городе, фактического прекращения хозяйства и использования земли путем сдачи в аренду. Выделение указанной категории дел обосновывается тем, что дела эти, наиболее характерные, возбуждают большой интерес у населения, кроме того, враждебное отношение в деревне к упомянутой категории землепользователей нередко влияет на земкомиссии и влечет неправильные решения. Циркуляры НКЮ за № 153—1925 г. о мероприятиях по ограждению земельных прав женщин-крестьянок, а равно цирк. НКЮ за № 177—26 г. о защите имущественных прав бедноты и батрачества, очевидно, имеют непосредственное отношение к вопросу о выделении из огромной массы замельных споров тех, по которым необходимо вступление прокуратуры в порядке ст. 2 ПК.

Но если, таким образом, принципиально определение и конкретизация круга дел, удовлетворяющих требованиям ст. 2 ПК, здесь представляют не большие трудности, чем в гражданском процессе вообще, то при нащупывании в каждом отдельном случае наличия этих дел в целях своевременного использования права, предусмотренного ст. 2 ГПК, наталкиваешься на значительные затруднения. Во-первых, как ни как, но связь прокуратуры с вол(рай)-земельными комиссиями слабее и носит более эпизодический характер, чем с нарсудами. Во-вторых, значение имеет и тот факт, что подавляющее большинство земельных споров происходит между отдельными трудящимися, как это можно видеть, например, из следующей таблицы, показывающей социальный состав истцов и ответчиков по делам, прошедшими через земкомиссии Сев.-Кавказского края за I п. 1926 г.

	Истцы.	Ответчики.
Бедняков	71%	46%
Середняков	27%	49%
Зажиточных . . .	2%	5%

Предпосылками дальнейшего развития работы по обслуживанию земкомиссий в порядке ст. 2 ГПК является установление более тесной связи с земкомиссиями, уведомление последними прокуроров о наличии дел, требующих участия в них прокурора (что уже в ряде мест практикуется), в особенности же здесь многое может дать связь с деревенской общественностью, селькорами, комитетами взаимопомощи и т. п.

Разумеется, надежные указания дадут здесь и жалобы и разоблачения печати.

Участие в заседаниях земельных комиссий с наибольшей полнотой осуществляется в отношении губземкомиссий. В ряде губерний эта работа уже была достаточно налажена в 1925 году, еще более широкое распространение она получила в 1926 году.

В 1925 г. имеем, например, 217 выступлений в губземкомиссиях Саратовской губпрокуратуры, а на Северном Кавказе процент участия прокуратуры в заседаниях окружных земельных комиссий достиг 6,6% всего числа их заседаний; представитель Калмыцкой прокуратуры в течение 1½ месяцев участвовал в выездной сессии областной земельной комиссии по Больше-Дербетовскому уезду.

За I п. 1926 г. общее количество выступлений в земельных комиссиях—2.043. По отдельным губерниям число выступлений также дает резкие колебания, как, например, 3 по Астраханской губ., 3 по Владимирской, 5 по Калмыцкой, 174 по Калужской, 182 по Самарской.

Число участия в заседаниях земкомиссий в 3 квартале текущего года поднялось сравнительно со 2 кварталом с 452 до 654. Особенно резкое повышение дает Сев. Кавказ (с 50 во II п. 1925 г. до 374 в I п. 26 г.), однако, здесь наблюдается резкая неравномерность участия по отдельным окружным прокуратурам (286 из 374 падают на Сев.-Осет. округ).

Хотя в очень еще незначительной степени, но в 1926 г. мы имеем уже ряд сообщений о выступлениях лиц прокурорского надзора в вол(рай)земкомиссиях, как, напр., 3 по

Ульяновской губ., 10 по Самарской, 2 по Калужской. Наконец, одним из существенных методов надзора за деятельностью вол(рай)земельных комиссий является обследование, в смысле обозрения на месте, в волземкомиссиях, находящихся в производстве законченных дел. Уже со второго полугодия 1925 г. обследования занимали выдающееся место в ряду других методов. 1926 г. еще более подчеркнул значение обследования. Таких обследований имеем 1565. Наибольшее число их падает на Московск. губ. (135), Уральскую (105), Сибирь (143), Кавказ (104), по остальным прокуратурам имеем незначительное число, при чем меньше 10 обследований приходится на Астраханскую губ. (9), Мурманскую (5), Сев.-Двинскую (5).

Какую активную местами роль прокуратура принимала в обследованиях волземкомиссий, можно видеть из следующих данных, приводимых в протоколе пленума Нижгубсуда от 4 ноября 1926 г. о распределении обследований, коих произведено губпрокуратурой 17, УФО по части взимания сборов—2, инструкторами УИК'ов—9, уполгубсуда—2, РКИ—2, всего—40.

В процессе как обследований, так и вообще работы по надзору за земкомиссиями прокуратура выявляла ряд ненормальностей, мешавших правильному функционированию земкомиссий, и проявляла значительную инициативу в устранении этих ненормальностей в соответствующем порядке. Так, напр., в процессе работы Московской прокуратуры был выявлен спор Моссовета с НКЗ о городской черте, которая до сих пор законом не оформлена, земкомиссии при разрешении земельных споров, не имея точных сведений о городской черте, затруднялись в определении подсудности дел, т.-е. подлежит ли они рассмотрению суда или земельных комиссий. На постановление Моссовета по данному вопросу прокуратурой принесен протест, и в результате уже производятся землеустроительные работы по установлению и расширению городской черты.

Далее обращено было внимание на то, что до сих пор земотделами не учтены все госземфонды, и ГЗК при рассмотрении спорных дел приходится устанавливать незаконное пользование госземфондом и передавать эти земли в госфонд.

Прокуратура оказывала деятельное содействие губземкомиссиям в проведении тех мероприятий по улучшению условий работы земкомиссий, которые намечались как на пленумах губсудов, так и по инициативе самых губземкомиссий.

Прокуратурой Республики разработан к руководству местами примерные схемы обследований вол (рай) земкомиссий, которые будут способствовать изжитию наблюдающихся кое-где неправильных уклонов при производстве этих обследований.

В качестве примеров таких неправильных уклонов можно указать на превращение их иногда в ревизии, на поверхностность обследований, сопровождавшихся незначительными выявлениями подлежащих опротестованию решений. Наблюдались случаи, как , напр., в Сергачевском у. Нижегородской губ., переложения участковыми помпрокурорами обязанности обследования волземкомиссий на парследователей. Приходилось далее отмечать, как отрицательный момент, неувязку некоторыми прокурорами своей работы по обследованиям ВЗК с ГЗК. Акты обследований ВЗК показывают, что еще кое-где не усвоены участковыми помпрокурорами постановление ВЦИК и СНК от 1 декабря 1924 г. и 5 июля 1926 г. («С. У.» 1924 г. № 89, ст. 907, и 1926 г. № 44 ст. 331) и ст. 43 инструкции НКЮ и НКЗ от 9 марта 1925 г., которые обязанность инструктирования волземкомиссий и производство ревизий возлагают не на уездные, а на губернские земельные комиссии и ОКВК, между тем, как некоторые участковые помпрокурора в своих заключениях по обследованиям указывали на необходимость производства периодических ревизий со стороны УЗК. В заключение отметим, что циркулярами НКЮ и НКЗ от 4 марта 1924 г. за № 35 («Е. С. Ю.» за 1924 г. № 10), в особенности цирк. НКЮ от 2 июля 1926 г. за № 90 («Е. С. Ю.» № 25 за 1926 г.) об уточнении прав по надзору за деятельностью земельных комиссий намечены достаточно широкие рамки для работы в данной области как суда, так и прокуратуры.

Второй из упомянутых выше циркуляров пошел навстречу назревшей потребности в усилении надзора прокуратуры за законностью разрешения земельных споров. Если о таком усилении нельзя было думать в начале 1924 г. (когда издан был цирк. НКЮ и НКЗ за № 35), то за истекший с тех пор более чем двухлетний период многое существенно изменилось в смысле организационного укрепления аппарата прокуратуры, развития районной низовой сети, усиления участковых рамер вторыми помпрокурора, усвоения основных методов работы, развертывания деревенской работы. Все это, естественно, вело к тому, что и надзор прокуратуры за деятельностью земкомиссий не мог застыть на том уровне, как это мыслилось в начале 1924 г. И позднейший цирк. НКЮ от 2 июля 1926 г. учел далеко подвинувшую вперед соответственно потребностям жизни практику, когда дал директиву:

> «Органам прокуратуры надзор за разрешением земельных споров осуществлять в тех же пределах и на таких же основаниях, какие в ст. 2, 244, 252 и 254 ГПК установлены для участия прокуратуры в гражданском процессе».

На изучении опыта работы основаны и указания НКЮ тех конкретных методов, посредством которых должно осуществляться органами прокурорского надзора наблюдение за деятельностью земельных комиссий и в качестве которых предлагается:

> «а) инициативное возбуждение исков в соответствующих земельных комиссиях в случаях, когда это представляется необходимым в интересах государства или трудящихся,
> б) вступление в тех же случаях в земельный процесс в любой стадии его,
> в) кассационное обжалование решений земельных комиссий,
> г) ознакомление на месте с находящимися в производстве земельных комиссий делами».

Актуальнейшее значение сохраняет и директива:

> «В соответствии с громадным значением нормального функционирования земельных комиссий и в связи с наблюдающимися дефектами разрешения земельных дел (медленность, большой процент отменяемых решений) усилить работу по обследованию земельных комиссий в плановом порядке наравне с иными производимыми ими обследованиями органов низового советского аппарата.

Наконец, возлагаемая (п. 5 циркуляра) в равной мере на органы судебные и прокурорского надзора обязанность по оказанию содействия и активного участия в поднятии юридической квалификации работников земельных комиссий требует разработки и планового проведения в жизнь соответствующих мероприятий на местах.

Н. Лаговиер.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы нотариальной практики.

Аресты на строения и право застройки (или по терминологии пол. о гос. нотариате 1923 г. запрещения) ведутся только по фамилиям владельцев, а не по владениям. Тов. С а в и н (Тамбов) приводит случай, когда, несмотря на наличие запрещения на строение, возможно отчуждение или залог его вследствие отсутствия регистрации запрещений по владениям.

«Наложение запрещения иногда может не достигнуть цели, вследствие отсутствия указаний в § 148 инструкции о регистрации запрещений на строения, переходящие по наследству и состоящие под запретом. Привожу пример: Некто Орлов, владевший строениями, состоящими под запрещением, умер; наследники его, две дочери, вышедшие в замужество, носят совершенно другие фамилии; в документе, подтверждающем их право на наследственное имущество, отсутствует указание о запрещениях; стол учета владений горхоза или комхоза, отмечая переход строений, ничего о запрещениях не говорит, да они ему и не известны. Дочери Орлова, получив строения свободными от запрещений (я здесь говорю о запрещении, наложенном нарсудом по иску или судисполнителем, а не по акту залога, о каковом в горхозе или комхозе сведения имеются от нотконторы), свои строения продают, получают надлежащую справку о принадлежности им строений и представляют в нотконтору. Так как по сборнику нотконтор запрещения регистрируются по фамилиям, а не по месту нахождения имущества, в данном случае под фамилией «Орлова», то нотариус, не найдя по сборнику запрещений по фамилиям продавщиц препятствий, оформит сделку на строение, состоящее под запретом.

Для предупреждения случаев, когда запрещение может ускользнуть, необходимо, чтобы судья до признания прав о порядке ст. 435 Гр. Код. к имуществу умершего владевшего строениями, предварительно запрашивали нотконторы о запрещениях, а в выдаваемых свидетельствах указывали бы об имеющихся запрещениях.

Точно также должна делаться отметка об этом по книгам стола учета владений горхоза или комхоза при перечислении строений от наследодателя за наследниками, а в случае продажи наследниками строений в справке горхоза или комхоза необходимо указывать и о запрещениях, лежащих на строениях.

Вопрос о регистрации строений, состоящих под запрещением, переходящих по наследству, детально должен быть разработан и дополнен соответствующими на этот счет указаниями».

При совершении акта об отчуждении или запродажи строений, в силу ст. 182 Гр. Код. и § 51 инструкции к положению о государственном нотариате, нотариальные конторы требуют как от продавца, так и от покупщика представления из соответствующего органа коммунального хозяйства справок о том, что от имени продавца, его супруги и несовершеннолетних детей не совершалось отчуждение владения и что покупатель, его супруга и несовершеннолетние дети не владеют строениями в данной местности.

Тов. Е л и з а р о в (Москва) считает это требование «излишней формальностью». Практика нотконтор показывает, что

«выдаваемые коммунальными хозяйствами справки в большинстве своем не соответствуют действительным фактам. Эти справки выдаются по однообразному шаблонному трафарету и продавцам и покупщикам, независимо от того, имеют ли таковые в данной местности строения или не имеют.

Если мы обратимся к ст. 182 Гр. Код., усмотрим, что текст этой статьи не упоминает об обязательном представлении, при совершении акта упомянутых в § 51 инструкции справок. В § 53 той же инструкции столкнемся с обязательным требованием о включении в акты указания на то, что статья 182 Гр. Код. сторонам раз'яснена и им известны все ее последствия.

Допустим, что нотариальная контора при совершении акта купли-продажи не истребовала от сторон упомянутых нами в статье справок, а соблюла полностью § 53 инструкции к пол. о гос. нотариате, о чем и сделала соответствующую отметку в акте. Спрашивается, разве от этого истребования совершенный акт купли-продажи стал недействительным? Конечно, нет. И освобождает ли закон от уголовной и имущественной ответственности стороны, участвующие в акте, в случае скрытия ими факта, упомянутого в ст. 182 Гр. Код.? На это мы должны ответить отрицательно.

Соблюдая з точности § 53 инструкции, мы вполне можем без ущерба для дела отказаться от требования справок, упоминаемых в § 51 инструкции».

Тов. Г о л о л о б о в (Сердобск) касается вопроса об инструктировании волостных исполнительных комитетов и сельских советов по засвидетельствованию сделок и документов.

«Практику виков и сельсоветов по применению закона от 15 июня 1925 г. о засвидетельствовании сделок, договоров и документов необходимо признать далеко не удовлетворительной.

Причин неналаженности работы в этом отношении имеется достаточно. При наблюдающемся в сельсоветах отсутствии постоянных лиц, которым поручалось бы нотариальное делопроизводство, при частых сменах секретарей и при отсутствии достаточного и специального инструктирования со стороны УИК'ов, нет оснований надеяться, что сельсоветы справятся с возложенной на них законом задачей, и справедливые нарекания обращающихся в сельсовет граждан будут возрастать, подрывая тем самым авторитет сельсовета и совершенных им сделок.

Вместе с тем ст. 9 вышеприведенного закона об инструктировании и направлении нотариальной деятельности виков и сельсоветов нотариальными отделениями губсудов, нежизненна. Один инструктор нототделения не в состоянии провести какую-либо плодотворную работу, способную охватить надзор и руководство виками и сельсоветами целой губернии. Не поможет в этом направлении при существующих организационных условиях, и передача этого руководство уездным нотариусам, так как при ограниченном штате уездных нотконтор нотариус не имеет возможности оставить контору ради раз'ездов по инструктированию и руководству сельсоветов.

Повидимому, одни письменные указания не достаточны Только обследования нотариуса и его живая связь с нотариальной работой сельсоветов могут дать желательные результаты. Но на этом пути стоят препятствия, заключающиеся в замкнутой и неподвижной организационной форме нотариата, которую следует заменить иной формой, могущей отвечать требованиям текущего момента».

Страница практика.

Некоторые вопросы по применению декрета ВЦИК и СНК от 4/X—26 г. „О введении в действие положения о госнотариате РСФСР".

1. В ст. 74 пол. о госнотариате говорится, что «требования об аресте на строения, расположенные вне городов, городских поселений, дачных, курортных и рабочих поселков, а также на землях, предоставленных госучреждениям, находящимся в непосредственном ведении Наркомзема и на землях трудового пользования, в нотконторах не регистрируются».

Данная редакция ст. 74 при применении ее на практике обязательно вызовет недоразумения.

На самом деле: понятно было бы, если бы запрещалась регистрация арестов на строения, принадлежащие трудовым земледельческим дворам и имеющие связь с ведением сельского хозяйства, но почему нельзя регистрировать запрещение на строения, находящиеся вне пределов перечисленных в ст. 74 местностей, принадлежащие нетрудовым элементам и не связанные с ведением сельского хозяйства, тем более, что отчуждение таких строений должно производиться согласно ст. ст. 182 и 185 Гр. Код.,—непонятно. Затем почему нельзя регистрировать аресты на строения, возведенные на правах

застройки? Ведь не только городские участки могут сдаваться под застройку. Под застройку сдаются участки из земель госземимущества («С.-Х. Ж.» 1926 г. № 3), а также земли специального назначения, находящиеся в пользовании учреждений и предприятий (раз'ясн. III отдела НКЮ—«Е. С. Ю.» 1926 г. № 26). Наконец, как быть в случае, если общество сель-хоз кредита приняло в залог строения, не изъятые из гражданского оборота и не составляющие необходимой принадлежности сельского хозяйства (раз'ясн. III отд. НКЮ Центр. Сель.-Хоз. банку № 11 в 43 от 25.III — 1925 г.), и обращает взыскание на эти строения Можно было бы привести целый ряд положений, исключающих возможность применения сказанной 74 ст. Ее необходимо изменить в таком виде: «Не подлежат регистрации аресты на строения, связанные с ведением сельского хозяйства и принадлежащие трудовому крестьянскому двору».

2. Ст. 73 требует составления требования об аресте отдельно на каждое лицо. Конечно, если исковые требования пред'явлены на каждое лицо (на каждого совладельца) отдельно и в разных суммах, то необходимо требование об аресте на каждого отдельно, а вот если совладельцы все вместе заняли по закладной у частного лица или по залоговому свидетельству в кредитном учреждении общую сумму без разделения кто сколько, то как же составлять запрещение отдельно на каждого, да и какой смысл. Или если два или несколько совладельцев представили имущество в залог по договору подряда или поставки и т. д., то для чего же составлять отдельные запрещения. Ведь об'ект для этого один—след., и запрещение должно быть наложено. На этот счет также необходимо сделать соответствующее распоряжение.

3. По ст. 78 «залоговые свидетельства выдаются нотконторами, ведущими регистрацию арестов на строения и право застройки». Почему такое ограничение? Если «все материальные действия могут быть совершаемы в любой госнотконторе РСФСР» (ст. 12), то почему же выдача залоговых свидетельств должна производиться только нотконторами, ведущими регистрацию арестов? Ведь для выдачи залогового свидетельства, помимо документов, указанных в ст. 80, требуются еще и сведения об арестах—так неужели это не может проделать любая нотконтора, запросив справку о запрещениях до выдачи свидетельства? Для облегчения граждан необходимо этот вопрос разрешить применительно к ст. 12.

4. Ст. 81 говорит о возможности включения в залоговое свидетельство сведений, указанных в этой статье, тогда как это надо было бы сделать обязанностью нотконторы. Было бы гораздо целесообразнее, чтобы нотконтора выдавала залоговое свидетельство, в котором, как в зеркале, отражалось бы состояние того имущества, на которое получается свидетельство, т.-е. помещались бы обязательно все сведения, необходимые по ст. 81, а все перечисленные в ней документы оставались бы в делах нотконторы.

5. Ст. 82 говорит, что «госучреждения, госпредприятия и кредитные учреждения, приняв в обеспечение по залоговому свидетельству строения или право застройки, сообщают об этом в нотконтору с указанием суммы залога и времени со ссылкою на выданное налоговое свидетельство», но ничего не сказано о том, запрашивается ли до момента принятия в залог или выдачи ссуды нотконтора, где регистрируются запрещения по месту нахождения имущества, об отсутствии запрещений, наложенных после выдачи залогового свидетельства. А ведь это имеет большое значение и необходимо в интересах учреждений, принимающих имущество по залоговому свидетельству. Представим себе такое положение: собственник имущества, получив залоговое свидетельство (для представления куда и для чего не важно) и продержав его несколько месяцев, за это время навыдавал векселей срочных и бессрочных, каковые были опротестованы, по ним выданы судебные приказы или исполнительные надписи, дело о взыскании у судисполнителя, каковой производит взыскание, назначает имущество в продажу с торгов и т. д., а тем временем собственник представляет залоговое свидетельство, предположим, в кредитное учреждение, и таковое, не запросив сведений (справки) о запрещении, выдает ему ссуду, а в это время имущество может быть уже продано. Необходимо, чтобы госучреждения или госпредприятия и кредитное учреждение предварительно принятия залогового свидетельства запрашивали нотконтору об отсутствии запрещения после выдачи свидетельства.

6. По ст. 85 арест снимается: 1) за истечением годового срока со дня выдачи свидетельства, 2) при предоставлении свидетельства неиспользованным и 3) при сообщении учреждения о прекращении действия свидетельства, по ст. же 86 в случае утраты залогового свидетельства арест снимается: а) если в свидетельстве было указано, куда оно должно представляться, по получении справки о том, что свидетельство не было использовано, и б) если в свидетельстве не было указано, куда оно должно представляться, то после публикации и по истечении года со дня таковой. Во избежание недоразумений, а, может-быть, и злоупотреблений, необходимо вообще установить порядок снятия арестов по выданным залоговым свидетельствам при условии наличия надписи на таковых или о неиспользовании, или о прекращении действий их, учиняемых учреждениями, в которые свидетельства предназначались к представлению, в случае же отсутствия в свидетельствах указания на учреждения, куда они представляются как по утраченным, так и по неутраченным соблюдать ч. 2 ст. 86, при чем срок возможно и понизить.

7. По ст. 62 нотконторы принимают для засвидетельствования верности копий «с документов, если они не противоречат закону и могут иметь юридическое значение». Почему нельзя, напр., засвидетельствовать копию с частного письма, которое в известном случае может иметь значение, или с другого какого-либо документа частного лица, дающего характеристику времени или лица, и т. п. Ведь понятие «не противоречит закону и может иметь юридическое значение» растяжимо.

8. Согласно ст. 11 «Государственный нотариус и лицо, его заменяющее, не может совершать нотариальные действия от имени и на имя супруга и т. д.», но как быть, если такие действия не только лицам, указанным в ст. 11, но даже самому нотариусу или его заместителю необходимо будет совершить. Неужели для этого потребуется ехать в другую нотконтору? Необходимо на этот вопрос обратить внимание и разрешить его в смысле замены на такие случаи нотариуса или его заместителя нарсудьей или другим лицом по назначению губсуда, чтобы не ставить нотариуса, его заместителя и их семьи в безвыходное положение.

А. Стародубцев.

г. Бобров Воронежской губ.

Режим экономии в нотариальных конторах.

Как работнику, мне хочется поделиться на страницах «Е. С. Ю.» моими соображениями о целесообразности сокращения штата в нотконторах.

В данном случае для иллюстрации моих доводов я буду говорить о такой конторе, которая, правда, малодоходна, но в то же время и не убыточна.

И вот в этой конторе по цирк. № 186 с 15 ноября 1926 г., в виду режима экономии, сокращена должность курьера, т.-е. достигнута экономия в месяц приблизительно 30 руб., считая зарплату, взносы по социальному страхованию и по колдоговору.

По новому штату, на основании вышеуказанного циркуляра, штатных единиц нотконторы оставлена одна. След., на нотариуса, помимо его прямых обязанностей и обязанностей инструктора и ревизора сельсоветов всего района (каковых в районе 14), юрисконсульта по оказанию бесплатной юридической помощи населению (не говоря уже о других культурно-просветительных работах, которые весьма часто выполняют на местах нотариусы), автоматически возложены и обязанности машиниста и курьера.

Всю эту работу одна штатная единица должна проделать внимательно и безошибочно, зорко следя за законностью совершаемых в нотконторе сделок и засвидетельствований, а также внимательно и безошибочно необходимо ревизовать и инструктировать сельсоветы и давать бесплатные юридические советы и т. д.

Я ничуть не сомневаюсь, что всю совокупность перечисленных обязанностей опытный нотариус и без делопроизводителя, конечно, выполнит, если не отлично, то, во всяком случае, весьма удовлетворительно. Но без курьера выполнить все упомянутые обязанности бездефектно весьма затруднительно. И вот почему.

Нотариусу без курьера придется действовать не только во времени и пространстве в конторе, но также во времени и пространстве вне конторы. За неимением курьера нотариус вынужден в часы занятия сдавать пакеты, денежные переводы по почте, покупать гербовые марки в финотделе, сдавать на текущий счет деньги, получать разные справки в исполкоме и т. д. И все это нужно, а самое главное возможно, к сожалению, выполнить только в те часы, когда открыты правительственные учреждения, т.-е. от 9 час. утра до 3½ час. дня. Следует обратить внимание и на то, что при посещении всех указанных учреждений нотариусу по закону нигде не предоставлен внеочередной прием, а если к тому же

принять еще во внимание дальность расстояния некоторых учреждений от нотконторы, то потеря времени на перечисленные операции будет довольно значительна. Уходя из конторы в часы занятий, нотариус должен, конечно, контору запереть, а на двери вывесить об'явление: «нотариус ушел на почту сдавать пакеты в 9 час. 20 мин., вернется приблизительно через 30 м.», или «нотариус ушел в финотдел за гербовыми марками в 10 ч., вернется через 40 мин.», или «нотариус ушел в сберегательную кассу сдавать деньги, вернется через 50 мин.», или же, наконец, «нотариус ушел в 12 час. в исполком, вернется через час» и т. д.

При таком положении дела получается не совсем нормальное явление. Выходит как будто бы клиенты для конторы, а не контора для клиентов.

И такая борьба нотариуса с пространством, конечно, даст богатый материал сатирическим журналам — «Бузотеру» и «Крокодилу». И не по вине нотариуса они могут зарисовать хронически запертую дверь нотариальной конторы, около которой с недоумевающими лицами стоят клиенты в ожидании путешествующего по учреждениям нотариуса.

Нотариус теряет время на хождение: то на почту, то в финотдел, то в исполком, то в страхкассу, то в союз совторслужащих и т. д. А клиенты напрасно теряют время, ожидая нотариуса. Таким образом, совершенно по независящим от нотариуса причинам темп чисто нотариальной ответственной работы понижается, ибо рабочий день нотариуса перегружен такими работами, исполнение коих не дает ему возможности при всем его желании выполнить свои прямые обязанности своевременно и без излишней задержки клиентов.

О таком ненормальном положении должностного лица в особенности нужно вспомнить при введении в жизнь нового нотариального положения, значительно расширившего функции нотконтор.

На местах, в провинции, нотариус, как и судья, следователь, член коллегии защитников, землемер, учитель, агроном и врач, входят в наш культурно-общественный актив. Этот актив уж не так велик, и мы не так еще богаты квалифицированными общественными работниками, чтобы позволять себе нагружать их самой мелкой канцелярской работой, притом еще работой, связанной с потерей драгоценного времени, того самого времени, каковое могло бы быть использовано нотариусом в интересах трудящегося населения более рационально.

Ведь главнейшее удобство для населения состоит не только в простоте и доступности аппарата нотконторы, но, главным образом, в быстроте выполнения поручений с полнейшей гарантией безупречности выпускаемых нотариальной конторой документов в отношении требуемой законом формы и содержания.

Если законодатель стремится еще больше приблизить нотариат к населению, благодаря быстроте выполнения нотариальных действий, то тогда, разумеется, для нотариуса необходимы существенно прочные условия для беззамедлительной работы.

Обременять же квалифицированного работника такими обязанностями, которые отнимают у него бесполезно время, весьма не хозяйственно, и ничего хорошего из этого не получится. Вместо облегчения населению выйдет совершенно нежелательная волокита, никакого усиления материального накопления не будет, а будет расти лишь одно накопление недовольства клиентуры. И этим самым доверие к нотариусу, как представителю гос. органа, будет поколеблено.

Из всего сказанного вывод: режим экономии нужно проводить, но проводить нужно весьма осторожно.

Тридцать рублей в месяц в конечном результате могут принести не экономию, а ущерб общему делу. Там, где были две штатных единицы, при условии, конечно, неубыточности конторы, для пользы дела крайне необходимо эти две штатных единицы сохранить.

Будем надеяться, что центр, проверив правильность высказанных соображений, несомненно, не только в интересах лиц, обращающихся к услугам нотариальных контор, сделает все, что возможно для удобства клиентуры, не подрывая доверия населения к нотконторам, но и в интересах правильного госстроительства создаст наилучшие условия в нотконторах для ведения быстрой, безошибочной и ответственной работы.

Нотариус **И. Семизоров.**

Усть-Лаба Кубанского окр. С.-Кавказского края.

Обзор сов. законодательства за время с 15 по 25 января 1927 г.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Хозяйственное право.

1. Проводимая в настоящее время система экономических мероприятий по регулированию деятельности частного капитала предполагает предварительное выяснение точных размеров последнего и его удельного веса в народном хозяйстве страны. В целях сосредоточения всех имеющихся по данному предмету сведений в одном органе издано **пост. СНК СССР от 31 декабря об учете деятельности частного капитала («Изв. ЦИК» от 20 января, № 16).** Все осообщаемые и разрабатываемые отдельными ведомствами данные о деятельности частного капитала в различных отраслях народного хозяйства, а также необходимые для выяснения роли частного капитала данные о капитале государственном и кооперативном сосредоточиваются в ЦСУ СССР. Соответственно возложен ряд обязанностей на госучреждения и госпредприятия, кооперативные союзы и т. п. организации, а также на промышленные и торговые предприятия по представлению сведений в ЦСУ, по согласованию программ производимых ими обследований и т. п. Данные о деятельности и относительном значении частного капитала в различных отраслях народного хозяйства публикуются ЦСУ не реже двух раз в год.

2. **Пост. СНК СССР от 14 декабря утверждены правила о производстве публичных торгов при продаже имущества, находящегося в ведении учреждений СССР и предприятий общесоюзного значения («Изв. ЦИК» от 18 января, № 14).** Правила эти изданы на основании ст. 14 постановления ЦИК и СНК РСФСР от 11 июня 1926 года об отчуждении государственного имущества («С. З.» 1926 г. № 42, ст. 305). Они регулируют продажу имущества, перечисленного в ст. ст. 6, 7 и 9 постановления 11 июня (ветхие негодные или устарелые конструкции оборудования промышленных заведений, подвижной состав железных дорог, морские и речные суда и летательные аппараты, ветхие и негодные сооружения и строения, по специальному разрешению—бездействующие предприятия, сооружения, строения и т. д., не используемое надлежащим образом иное имущество). Не требует производства публичных торгов продажа имущества, оцененного ниже 1.000 р., скоропортящегося и такого, задержка в продаже которого может повлечь его разрушение. Опись предназначенного к продаже имущества должна содержать оценку рыночную, балансовую и балансовую с учетом амортизации. Орган, разрешающий продажу имущества, назначает цену, с которой должны начинаться торги. Публикации в органах периодической печати производятся за семь дней до торгов. Лица, желающие принять участие в торгах на строения и речные суда, обязаны представить удостоверения об отсутствии законных препятствий к приобретению ими этого имущества (182 ст. Гр. Код.) Обязательно внесение залога в размере 10 проц. с суммы, с которой начинаются торги. По окончании торгов приобретатель имущества вносит немедленно задаток в размере первоначальной оценки с зачетом залога. Остальная сумма вносится в семидневный срок. Невнесение задатка влечет потерю залога, невнесение покупной суммы полностью—потерю задатка. Передача имущества производится лишь по уплате всей покупной суммы. В случае несостоявшихся торгов назначаются новые, производимые по тем же правилам. Если же и вторые торги не состоятся, имущество реализуется другими способами по усмотрению органа, в ведении которого оно состоит. И в данном случае вышестоящий орган, разрешающий отчуждение имущества, назначает минимальную его продажную цену.

3. **Постановление СТО от 12 января о передаче Волховской гидроэлектрической станции об'единению ленинградских районных электрических станций «Электроток» («Изв. ЦИК» от 20 января, № 16)** издано на основании пост. ЦИК и СНК СССР от 8 октября 1926 г. о признании районных электрических станций и районных об'единений электрических станций предприятиями общесоюзного значения («С. З.» 1926 г № 68, ст. 521).

Кредит и финансы.

4. В соответствии с лит. «м» ст. 1 Конституции СССР **утверждено пост. ЦИК и СНК СССР от 7 января пол. о системе сельско-хозяйственного кредита («Изв. ЦИК» от 21 января, № 17).** Цель учреждения сельско-хозяйственного кредита определяется положением, как содействие путем предоставления долгосрочного и краткосрочного кредита развитию сель-

ского хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. В систему учреждений сельско-хозяйственного кредита входят Центр. Сельско-Хозяйственный Банк Союза ССР, сельско-хозяйственные банки союзных республик, общества сельско-хозяйственного кредита (местные сельхозбанки). Кроме того, производят операции по сельско-хозяйственному кредиту сельско-хозяйственные кредитно-кооперативные организации и кооперативные банки, из которых первые по линии своей кредитной деятельности входят в общую систему сельхозкредита, вторые же не входят. Что касается сельско-хозяйственных банков (Всесоюзного и республиканских), то они организуются в форме акц. обществ с участием госкапитала (не менее 51 проц. акций); порядок же их деятельности и об'ем операций определяются уставами. В отношении же обществ сельско-хозяйственного кредита в порядке общесоюзного законодательства утверждаются лишь общие положения об их организации и об'еме деятельности; нормальные уставы этих обществ утверждаются в порядке республиканского законодательства. Надзор за деятельностью всех учреждений, входящих в общую систему сельско-хозяйственного кредита, возложен на НКФ Союза и союзных республик в порядке общего надзора и регулирования деятельности кредитных учреждений. Очень подробно излагаются функции Центр. Сельско-Хозяйственного Банка Союза ССР в отношении представительства интересов всей системы сельхозкредита, планирования деятельности последних и руководства его, разработки общих правил, ревизии и контроля. Те же права в отношении обществ сельхозкредита предоставлены республиканским банкам.

5. **Пост. СТО от 17 декабря о возврате акциза, уплаченного за свекловичный сахар и крахмальную патоку, содержащиеся в вывозимых за границу кондитерских изделиях, и за нефтепродукты, содержащиеся в вывозимых за границу консистентных мазях («Изв. ЦИК» от 21 января, № 17)** издано на основании пост. ВЦИК и СНК от 11 января 1923 г. о мерах содействия экспорту («С. У.» 1923 г. № 3, ст. 60).

6. **Утвержденное пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января пол. о служебных командировках в пределах СССР («Изв. ЦИК» от 22 января, № 18)** является одним из мероприятий по проведению режима экономии и носит преимущественно финансовый характер, хотя и содержит положения о возмещении за труд. Служебная командировка определяется постановлением, как поездка работника, по распоряжению нанимателя, для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы. В соответствии с этим определением к служебным командировкам не относятся служебные поездки работников, постоянная работа которых либо протекает в пути, либо носит раз'ездный характер, на командировки для научного усовершенствования, для прохождения курсов, на командировки в экспедиции, а также на командировки военнослужащих.

Служебная командировка не может продолжаться более двух месяцев, исключая время нахождения в пути. В исключительных случаях допускается продление срока командировки на время до одного месяца. Суточные выплачиваются для покрытия всех личных расходов командированного во время командировки, кроме найма жилого помещения. Размер суточных—от 2 р. 50 к. до 10 р. за каждый день исчисляется в пределах этих норм, как одна тридцатая фактического заработка. За наем помещения возмещается от 3 р. (сельские местности и уездные города) до 7 р. (столицы). Проезд оплачивается: по железной дороге — по тарифу жесткого вагона, по водным путям—по тарифу 2 класса, по грунтовым и шоссейным дорогам—по существующей стоимости. Проезд в течение времени более суток, а также в ночное время оплачивается по тарифу мягкого вагона. Допускается, по соглашению сторон, уменьшение установленной нормы суточных. В случае болезни производится на общих основаниях выплата суточных и возмещение расходов по найму помещения. За командированным сохраняется место работы на все время командировки, и выплачивается соответственное вознаграждение.

Социальное обеспечение.

7. **Пост. СНК СССР от 21 декабря о порядке выплаты персональных пенсий, назначенных органами союзных республик («Изв. ЦИК» от 19 января, № 15),** издано в отмену пост. СНК Союза ССР от 9 мая 1925 г. о порядке выплаты персональных пенсий при переезде пенсионеров на постоянное жительство из одной союзной республики в другую («С. З.» 1925 г. № 32, ст. 225). Оставлен в силе основной принцип сохранения при таком переезде права на пенсию; размер последнего остается неизменным. Выплата пенсий производится через государственные сберегательные кассы.

Узаконения, утратившие силу.

8. **Пост. СНК СССР от 21 декабря («Изв. ЦИК» 21 января, № 17) отменено пост. СНК СССР от 11 августа 1924 г. об установлении бухгалтерской отчетности по заработной плате («С. З.» 1924 г. № 4, ст. 58), а также инструкция СТО по применению этого пост. («С. З.» 1924 г. № 7, ст. 76).**

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Советское строительство.

1. **Пост. Президиума ВЦИК от 10 января об установлении на текущую избирательную кампанию нормы представительства для города Ленинграда при выборах в Ленинградский совет («Изв. ЦИК» от 25 января, № 19)** издано в изменение ст. 8 пол. о городских советах («С. У.» 1925 г. № 91, ст. 662), как и аналогичное пост. от избирательных нормах для Моссовета («Е. С. Ю.» № 3, обзор). Для рабочих и служащих, красноармейцев и краснофлотцев—1 депутат на число избирателей от 200 до 400, от неорганизованного населения и безработных—1 депутат на 400 избирателей, явившихся в избирательное собрание.

2. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря («Изв. ЦИК» от 20 января, № 16) дополнено пол. о городских советах в соответствии с национальными особенностями Татарской АССР.**

Торговля.

3. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 декабря о запрещении частной торговли пушниной и заготовки таковой гос. и кооперативными организациями через частных посредников в некоторых районах Уральской области («Изв. ЦИК» от 25 января, № 19)** издано в целях защиты туземного промыслового населения северных окраин и от эксплоатации со стороны частного торгового капитала и на основании ст. 5 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 7 сентября 1925 г. о мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплоатации со стороны частного капитала («С. У.» 1925 г. № 61, ст. 498).

4. **Пост. ЭКОСО РСФСР от 20 января о мероприятиях по улучшению состояния рынка строительных материалов («Изв. ЦИК» от 25 января, № 19)** издано в дополнение пост. ЭКОСО РСФСР от 29 декабря 1926 г. о мероприятиях по выполнению строительного производства в сезон 1927 г. («Е. С. Ю.» № 4, обзор).

Земельный Кодекс.

5. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря («Изв. ЦИК» от 25 января, № 19) изменено прим. 1 к ст. 116 Зем. Код. РСФСР для авт. республик («С. У.» 1926 г. № 8, ст. 58).** Разрешения на общий уравнительный передел или скидку и накидку наделов в целях уравнения землепользования выдаются наркоматами земледелия автономных республик на основании удостоверений и свидетельств, выдаваемых земельными органами не ниже губернских (в республиках с губернским делением) и уездных (в республиках без такового деления).

Гражданский Кодекс.

6. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 декабря («Изв. ЦИК» от 20 января, № 16), установлены из'ятия из ст. ст. 430, 431 433 и 434 Граж. Код. РСФСР для Якутской АССР.** Вследствие отдаленности расстояний в пределах Якутреспублики и отсутствия благоустроенных путей сообщения продлены сроки для принятия наследства (6 мес., 12 мес. и два года, последний—в случае проживания наследников вне Якутреспублики, либо в другой части ее: в северной или южной). Такие же сроки установлены для хранения наследственного имущества, для пред'явления претензий кредиторами и для признания наследственного имущества выморочным.

Кредит и финансы.

7. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 декабря («Изв. ЦИК» от 19 января, № 15) распространен на утраченные крестьянские паи обществ сельско-хозяйственного кредита порядок вызывного производства, установленный ст. ст. 234-а — 234-о ГПК РСФСР** («С. У.» 1926 г. № 27, ст. 215). Постановление существенно дополняет ст. 5 декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. о восстановлении сельского хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности и об организации для крестьянства сельско-хозяйственного кредита и ст. 3 дополнительного к этому декрету постановления («С. У.» 1922 г. № 81, ст. 1046—1047).

8. **Пост. ЭКОСО РСФСР от 11 января («Изв. ЦИК» от 19 января, № 15) изменено пост. ЭКОСО РСФСР от 2 декабря 1926 г. о кредитовании землеустроительных мероприятий** («Е. С. Ю.» № 9, обзор). Перераспределены функции наркоматов земледелия и местных земорганов по даче указаний Сельхозбанку и обществам сельско-хозяйственного кредита по распределению и изменению кредитов на указанные мероприятия.

9. **Пост. СНК РСФСР от 28 декабря («Изв. ЦИК» от 22 января, № 18) изменены нормы доходности для исчисления сельхозналога по заливным и незаливным сенокосам в Сибирском крае** (см. «С. У.» 1926 г. № 27, ст. 218).

Труд.

10. **Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 декабря («Изв. ЦИК» от 19 января, № 15) распространено действие пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1923 г. о порядке проведения трудовых и гужевых повинностей по ликвидации стихийных бедствий («С. У.» 1923 г. № 27, ст. 315) также на случаи возникновения пожаров в населенных пунктах, не имеющих городского устройства.**

Узаконения, утратившие силу.

11. **Пост. СНК РСФСР от 21 декабря («Изв. ЦИК» от 19 января, № 15) утвержден перечень узаконений, теряющих силу с введением в действие правил публичной отчетности промышленных и торговых предприятий и кредитных учреждений** («С. З.» 1926 г. № 60, ст. 452).

М. Брагинский.

Из деятельности Нар. Ком. Юстиции РСФСР.

Раз'яснения Отдела Законодательных Предположений и Кодификации.

Правовое положение промышленных предприятий с числом наемных рабочих более 20, подлежащих национализации, согласно постановления ВСНХ от 29 II—1920 г. («С. У.» № 93, ст. 592), но фактически по признакам, указанным в ст. 2 декрета от 10 XII—1921 г. («С. У.» № 79, ст. 684), ненационализированных и своевременно подавших заявление о регистрации согласно ст. 1 декрета от 22/III—1923 г. («С. У.» № 24, ст. 285).

1. Согласно ст. 1 декрета СНК от 17/V—1921 г. («С. У.» № 48, ст. 240), декрета ВЦИК от 27/X—1921 г. («С. У.» № 72, ст. 583) и ст. 3 декрета от 10/XII—21 г. промышленные предприятия, подлежащие национализации по постановлению ВСНХ от 29/XI—1920 г., но фактически ненационализированные до 17/V—1921 г., «принадлежат прежним их владельцам и могут быть использованы последними согласно существующих узаконений», т.-е. не подлежат более национализации. Как уже раз'яснил Наркомюст (от 3 VIII—1925 г. № 11 в 43—ВСНХ РСФСР), указанная дата—17/V—1921 г. — должна в силу прим. 1 к ст. 59 Гр Код. быть заменена более поздней датой, именно—22/V—1922 г., а декрет 22/III—1923 г. присоединил к фактическим признакам национализации, исключающим право частной собственности на промпредприятия, еще и неподачу заявления о регистрации.

2. Отказавшись после 22/V—1922 г. от применения национализации к частным промышленным предприятиям, не предусмотренным декретом 28/VI—1918 г. о национализации крупнейших промпредприятий, законодательство, несомненно, оставляло эти предприятия в эксплоатации их собственников. Ст. 3 декрета 10/XII—1921 г. ясно указывает, что прежние владельцы могут «использовать» свои предприятия, согласно существующих узаконений, т.-е. эксплоатировать их как промышленные предприятия, хотя бы число наемных рабочих и превышало 20 чел. Мнение, что ст. 3 декрета 10/XII—1921 г. предоставляла собственникам ненационализированных предприятий лишь право собственности на оборудование этих предприятий, но не право эксплоатации их с помощью необходимого количества наемных рабочих, противоречит не только буквальному тексту этой статьи, но и всему духу советского права Ибо право собственности не имеет абсолютного характера; оно предоставляется лишь в целях развития производительных сил, во имя определенного социально-хозяйственного назначения, которое это право должно осуществлять под страхом своего прекращения. Поэтому надлежит притти к заключению, что ст. 3 декрета 10/XII—1921 г., постановляя, что ненационализированные предприятия принадлежат прежним их владельцам, тем самым предоставила этим владельцам и право эксплоатации своих предприятий независимо от числа занятых в последних рабочих.

3. Статьи 54 и 55 Гр. Код. устанавливают те пределы, в которых частные лица могут сооружать и открывать промышленные предприятия; они регулируют правовой режим частной промышленности эпохи НЭП'а, повторяя основное положение декрета 7/VII—1921 г. («С. У.» № 53, ст. 323), согласно которого «каждый гражданин может свободно организовать мелко-промышленное предприятие», понимая под последним предприятие, в котором занято не свыше 20 наемных рабочих. Таким образом, ст. ст. 54 и 55 Гр. Код. находятся в противоречии с сохранившими силу законами о национализации промпредприятий, оставившими на праве частной собственности, а следовательно и эксплоатации, некоторые промпредприятия, требующие для своей деятельности число рабочих, превышающее 20 человек.

4. Вследствие изложенного Наркомюст находит совершенно правильным постановление Президиума ВСНХ СССР от 2/III—1925 г., которое признало, что частные промпредприятия с числом рабочих более 20 человек, существовавшие к моменту Октябрьской революции и оставшиеся ненационализированными к 17/V—1921 г, могут продолжать существовать на тех основаниях, на которых они действовали до того, но должны получить санкцию своей деятельности на основании особой инструкции об их регистрации, внесенной Президиумом ВСНХ СССР на утверждение СТО и устанавливавшей, что исходатайствования концессии для деятельности этих предприятий не нужно.

Из вышеизложенного же следует, что указанные промпредприятия в своей деятельности не могут превышать тех размеров, которые он имели к 17/V—1921 г., и что в случае неиспользования их собственниками по их промышленному назначению они должны быть об'явлены государственной собственностью на основании ст. 1 Гр. Код. в судебном порядке по иску подлежащего хозяйственного органа или прокуратуры.

(Раз'яснение для ВСНХ РСФСР № 43 П 1432 от 15 января 1927 г.)

В институтах и обществах.

Воздушное страхование.

(В секции воздушного права Союза Авиахим СССР).

В порядке плана своей научно-исследовательской работы очередное общее собрание секции воздушного права Союза Авиахим СССР было посвящено обсуждению вопросов воздушного страхования. Следуя установленному секцией принципу приближения своей работы к учреждению или организации, которую данный конкретный, разрабатываемый секцией вопрос интересует в порядке его повседневной работы, на этот раз секция организовала свое общее собрание в помещении Главного Правления Госстраха СССР совместно с страховой секцией Института Экономических Исследований НКФ СССР с привлечением к участию в собрании работников Госстраха СССР, Россгостраха и Мосгубстраха. С большим обстоятельным докладом о развитии, современном состоянии и наиболее актуальных вопросах воздушного страхования в Западной Европе и в СССР выступил тов. Е. Мен. Осветив историю развития воздушного страхования, практически начавшего применяться лишь в послевоенный период и еще не закончившего своего развития до сих пор и остановившись на роли в этом вопросе научных авиационно-юридических организаций (в особенности международного авиационно-юридического комитета, обсуждавшего вопросы воздушного страхования на трех своих конгрессах, в последний раз в октябре 1925 г. в Лионе) и на характеристике западно-европейских страховых компаний, проводящих операции воздушного страхования и об'единившихся для этого (в виду чрезвычайного риска этого рода страхования) в большие об'единения (до 4 обществ),—докладчик подробно остановился на законодательной регламентации и на полисных правилах воздушного страхования (в частности, на итальянском законе 11 января 1925 года, на французском законе 31 мая 1924 года, на германской практике и на правилах Госстраха СССР). Резюмируя эту часть своего доклада, Е. Мен наметил следующую систему в области воздушного страхования: страхование личное, к которому относится страхование от несчастных случаев на

воздушных путях сообщения (пассажиров и экипажа) и страхование имущественное, складывающееся из страхования самолетов (каско), грузов (карго) и гражданской ответственности. Высказав мнение о нецелесообразности выделения в особую категорию юридических отношений воздушного страхования личного и страхования грузов, в виду отсутствия особой специфичности в этих видах воздушного страхования, и остановившись на критике установленного итальянским законодательством своеобразного права абандона грузов, перевозимых воздушным путем (абандон есть уступка имущества со стороны кредитора (страхователя, которому следует премия) должнику (страховщику, обязанному уплатить таковую,—докладчик центр своего внимания перенес на вопросы, связанные с страхованием самолетов и гражданской ответственностью воздушных перевозчиков. считая необходимым эти виды воздушного страхования выделить как совершенно самостоятельные, в силу своеобразности технических условий и возникающих между сторонами юридических отношений. Изложив параллельно и сравнив западно-европейские и советские правила страхования самолетов, докладчик конец своего доклада посвятил вопросу страхования гражданской ответственности воздушного перевозчика перед экипажем, пассажирами, грузовладельцами и третьими лицами, как наименее разработанном и наиболее актуальном вопросе в области воздушного страхования, придя к выводу о необходимости введения в законодательном порядке обязательности этого вида страхования для воздушных перевозчиков.

После оживленных прений по докладу собрание нашло желательным продолжение дальнейшей проработки в общественном порядке вопросов воздушного страхования силами обоих секций, ставя перед собой конкретную задачу содействия регламентированию воздушного страхования в СССР и в международном масштабе, с проведением советской точки зрения на предстоящем в ближайшем будущем обсуждении этого вопроса на очередной международной конференции международного частного воздушного права.

Л. В.

Вопросы НОТ'а.

Усовершенствование учета и статистической отчетности по проходящим через органы прокуратуры жалобам.

(В порядке обсуждения).

Ц. НКЮ 26 г. № 110 п ст. Н. Лаговиера в № 27 «Е. С. Ю.» совершенно ясно определили значение правильной постановки учета проходящих через органы прокуратуры жалоб, задачи, которые должны быть разрешены в настоящее время в деле усовершенствования этого учета, и, наконец, те рамки, в которых может быть намечено правильное разрешение этих задач.

Поэтому настоящая заметка представляет собой попытку практического разрешения поставленного вопроса и имеет своей целью предложить самую форму отчетности о движении жалоб.

Предлагаемая форма представляется исчерпывающей все могущие интересовать моменты и признаки производства прокуратуры по жалобам и предусматривающей устранение всех тех неясностей и затруднений, которые возникали на практике при составлении отчетов о движении жалоб по прежним формам; форма эта должна заменить собой ныне существующую ведомость № 8-а и об'единить данные обо всех жалобах, соответственно чему графы 2 и 11 ведомости № 8 и графа 9 ведомости № 8-б должны быть аннулированы; наконец, форма эта является достаточно простой по технике ее составления при условии согласованности наименования ее граф с номенклатурой признаков учета для статистического шифра карточек движения жалоб.

Предлагаемая ведомость представляет собой неразвернутый лист обычного формата, на каждой странице которого нанесена самостоятельная форма для учета движения жалоб по каждому из четырех принятых признаков, а именно: ф. 1 — по признаку «от кого жалобы поступили», ф. 2 — по признаку «на что они принесены», ф. 3—по признаку «на чьи действия принесены» и ф. 4—по признаку «какое направление они получили».

Формам этим должны точно соответствовать номенклатуры четырех признаков стат. шифра на карточках, при чем для того, чтобы учесть в шифре и вертикальные, и горизонтальные признаки отчетной ведомости, нужно только условиться вертикальные признаки ставить числителем. а горизонтальные признаки — знаменателем в соответствующей цифре статистического шифра.

Так, нумерация граф формы 1 отчетной ведомости должна быть совершенно аналогична номенклатуре первого признака (первой цифры) статистического шифра (см. ф. № 1).

Поэтому жалоба, поданная заключенной работницей, жительницей уездного города, должна быть отмечена в первой цифре статистического шифра карточки знаком $\frac{7}{2\,ж\,з}$, по этому же знаку такая жалоба должна быть показана в 1 форме ведомости в вертикальной графе 7 (рабочих) и в горизонтальной графе 2 (из уездного города); кроме того она должна быть внесена в данные по внебалансовым горизонтальным графам ж (от женщин) и з (от заключенных).

Форма № 1.

ОТ КОГО ЖАЛОБЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ ПОСТУПИЛИ	№№ граф	Количество поступивших жалоб: Из губорода	Из уездных городов	Из сельских местностей: Пересланных	Приведенных лично в прокуратуру	Поданных на месте при выездах прокурора	Всего из деревни.	По всей губерн.: Всего	Из них через другие, кроме прокуратуры, органы	Из общего колич. жалоб поступило: От женщин	От заключенных
		1	2	3	4	5	6	7	8	ж	з
От учреждений и предприятий: Государственных	1										
Профессиональных	2										
Кооперативных	3										
Общественных	4										
Частных	5										
От частных лиц: Крестьян	6										
Рабочих: гос. и общ. органов	7										
Рабочих: частн. лиц и предпр.: батраков	8										
Рабочих: частн. лиц и предпр.: дом. присл	9										
Рабочих: частн. лиц и предпр.: других	10										
Рабселькоров (неопублик. сообщения)	11										
Служащих: гос. и общ. органов	12										
Служащих: частн. лиц и предприятий	13										
Военнослужащих: красноармейцев	14										
Военнослужащих: комсостава	15										
Лиц свободных профессий: науки	16										
Лиц свободных профессий: искусства	17										
Лиц свободных профессий: религиозн. культов	18										
Кустарей	19										
Не имеющих самост. заработка членов семей лиц вышеуказанных категорий	20										
Нетрудового элемента	21										
Заявителей невыясненных категорий	22										
Всего	23										

Другой пример: жалоба, привезенная лично явившимся из села крестьянином, должна быть отмечена в первой цифре шифра знаком $\frac{6}{4}$ и по этому знаку показана в 1 ф. ведомости в вертикальной графе 6 и горизонтальной 4.

По такому же принципу регистрируются на карточках и показываются в статистической ведомости жалобы и по остальным их признакам.

Если присоединить в 1 форме ведомости данные о населении губерского города, уездных городов и сельских местностей, можно установить процент жалобщиков населения каждого из трех этих районов.

Необходимо отметить, что жалобы, поступающие не непосредственно от заявителей, а через другие учреждения, должны регистрироваться на карточках самих жалобщиков, а не на карточках препроводивших эти заявления учреждений, так как основным моментом, характеризующим категорию такой жалобы или заявления, является сам заявитель, а не то учреждение (часто случайный признак), через канцелярию которого заявление первоначально было подано; иначе постоянно будет происходить смешение признаков для первой статистической отметки «кто заявитель». Точно так же основным моментом для учета второго признака такой жалобы является содержание самой жалобы, а не содержание препроводительного отношения или предложения переславшего жалобу учреждения: иначе будут смешаны признаки для второй статистической отметки «о чем просится в заявлении».

Нужно лишь через НК РКИ установить для делопроизводств всех ведомств, как общее правило, чтобы при всевозможного рода запросах о справках указывать не только отношение переславшего заявление учреждения, но также фамилию жалобщика и краткое содержание его жалобы.

Однако, вопрос этот (подана ли жалоба в органы прокуратуры непосредственно или переслана из других органов) для статистического отчета о движении жалоб в органах прокуратуры достаточно интересен, чтобы это обстоятельство было также учтено в отчетной ведомости; для этой цели служит внебалансовая горизонтальная графа 8, в которой учитываются те жалобы, которые были поданы на имя иных, кроме прокуратуры, органов и этими последними были направлены на распоряжение в прокуратуру (напр., РКИ, исполкомов, их отделов, различных центральных и местных органов, по команде и т. п.); не вносятся в графу 8 и считаются поданными непосредственно в органы прокуратуры те жалобы, которые подаются хотя и через другие органы, но на имя прокуратуры (напр., через администрацию мест заключения и в других подобных случаях); пример: жалоба поданная в уездном городе красноармейцем военкому части и последним направленная в прокуратуру, отмечается в первой цифре статистического шифра карточки знаком $\frac{14}{2\,8}$ и по этому знаку показывается в 1 ф. ведомости в вертикальной графе 14 п в горизонтальной 2 и 8.

Весьма важным в смысле правильного, соответствующего действительности учета жалоб в органах прокуратуры является вопрос об устранении в сводных ведомостях возможности двойного и даже тройного учета одной и той же жалобы; если жалоба поступила в Отдел Прокуратуры, которым направлена на расследование в губуправление прокуратуры, а этим последним препровождена с тем или иным предложением в участковую камеру, то одна и та же жалоба будет зарегистрирована во всех этих органах прокуратуры на карточках, с последних попадет в отчетные ведомости и при составлении сводных ведомостей будет показана: в губернской—два раза, а по общереспубликанской—три раза. То же самое может получиться при передаче жалобы из участка в губуправление или из участка в участок, или из прокуратуры одной губернии в прокуратуру другой губернии.

Во избежание этого представляется необходимым принять такое правило, чтобы жалоба, передаваемая на распоряжение (хотя бы и с предложением об уведомлении о результатах) учитывалась в статистической ведомости тем органом прокуратуры, в который она передана, а жалоба (или копия ее), направленная с предложением о выполнении лишь отдельных необходимых по существу производства по жалобе действий, учитывалась тем органом прокуратуры, из которого она направлена; руководствуясь этим основным правилом, при каждой передаче жалобы следует в целях устранения неопределенности передающему органу прокуратуры делать отметку на своей препроводительной бумаге — принята ли данная жалоба на свой учет или нет (напр., знак в правом верхнем углу препроводительной бумаги может означать, что жалоба на свой учет принята); само собой разумеется, что регистрироваться на карточке такая передаваемая жалоба должна во всех соответствующих органах прокуратуры, она не везде только должна показываться в отчетной ведомости.

Форма № 2.

На что принесены жалобы и заявления

Жалобы в пор. ст. 91 УПК на преступные действия.	№№ граф	Количест. жалоб	Жалобы в пор. общего надзора на неправильн. или незакономер. действия	№№ граф	Количест. жалоб	Заявления, ходатайства, просьбы	№№ граф	Количест. заявлен.
Злоупотребление властью	1		Незаконное установлен. налогов	26		Об ускорении производства дел:		
Превышение власти	2		Неправильное взыскание налогов	27		а) в органах дознания	51	
Бездействие власти	3		Незаконная конфискация имущ.	28		б) в органах ОГПУ	52	
Незаконный арест	4		Неправильная муниципализация	29		в) в органах следствия	53	
Халатное отношение к службе	5		Незаконное выселение из жилищ	30		г) в судеб. орган. по уголов. делам	54	
Растрата	6		По землеустройству	31		д) в судеб. орган. по гражд. делам	55	
Взяточничество	7		Непредоставление льгот красноармейцам	32		е) в админ. органах	56	
Бесхозяйственность	8		Неправильное распределение ссуд	33		Об ускорении исполн. решений:		
Нарушение КЗ о Тр. должн. лицами	9		Расходование средств не по назначению и проч. нарушения бюджетн. правил	34		а) по делам об алиментах	57	
	10		Задержка зарплаты	35		б) земельн. комиссий	58	
Прочие должн. преступления	11		Лишение избирательн. прав	36		в) о выселении	59	
Подделка денежн. знаков	12		Незаконная высылка	37		г) прочих	60	
Контрабанда	13		Неправильн. наложен. админ. взысканий	38		Об изменении меры пресечения	61	
Нарушение гос. монополий и валютных и акцизных правил	14		Неправильн. действ. при производстве дел:			Прочих просьб, связанных с производством суд. или след. дел.	62	
Неплатеж налогов	15		а) органов дознания	39		О досрочном освобождении	63	
Лесонарушения	16		б) в частности по отобранию краденых лошадей	40		Об отпусках заключенных и отсрочке приговоров	64	
Самогоноварение	17		в) органов следствия	41		Вызов заключенными прокурора	65	
Неплатеж алиментов	18		г) судебных органов	42		О свиданиях с заключенными	66	
Сопротивление и оскорбление органов власти	19		д) судебных исполнителей	43		Прочих просьб, связанных с отбытием наказания	67	
Хулиганство	20		е) членов кол. защитников	44		Просьб, связан. с адм. высылкой	68	
Преступления против личности	21		ж) мест заключения	45			—	
Имущественные преступления	22		з) органов прокуратуры	46			—	
Нарушение КЗ о Тр. частн. лицами	23		Неправильн. приговоры и решен.	47			—	
	24			48		Запросов о положении дела	74	
Прочие преступления частных лиц	25			49		Прочих заявлений	75	
			Прочие незакономерн. действия должностн. лиц	50				
Итого			Итого			Итого		

Итого поступило: жалоб . . . . . и заявлений . . . . . .

Пример действия такого правила мы видим в отношении учета движения следственных дел губсудской подсудности, поступающих к уездному прокурору в порядке ст.ст. 211 и 203-а, и последним направляемых губпрокурору для передачи в губсуд в порядке ст. 229 или 228, или 203-а; такие дела в участках на карточках № 11 регистрируются, но в отчетную ведомость № 8 не включаются, в губуправлении же эти дела и регистрируются на карточках, и показываются по отчетной ведомости; показываются они по губуправлению потому, что именно здесь только выясняется окончательное направление дела (пересоставляется обвинительное заключение или меняется статья порядка направления), участковая же прокуратура является в движении такого дела лишь промежуточной инстанцией.

Вышеуказанное правило обеспечивает правильный учет действительного количества жалоб, проходящих через прокуратуру (в целом) независимо от передачи одной и той же жалобы из одного органа прокуратуры в другой; для того же, чтобы каждый отдельный орган прокуратуры мог при помощи отчетной ведомости показать также и свою нагрузку, т.-е. количество всех жалоб, так или иначе прошедших через его производство, служит третья рубрика ф. № 4 ведомости; данные в ней являются внебалансовыми и показываются лишь общим числом, не разбиваясь по четырем признакам учета жалоб, так как такая разбивка этого количества жалоб делается другими органами прокуратуры, учитывающими их согласно вышеприведенного правила.

В связи с вышеизложенным стоит частный вопрос относительно порядка регистрации и учета в губуправлении жалоб и заявлений, пересылаемых из участковой прокуратуры в дополнение к следственным делам губсудской подсудности (иногда в числе прочей дополнительной переписки); такие заявления в губуправлении не учитываются, а только регистрируются на карточках движения жалоб (или даже на корреспондентских карточках в случаях, когда они поступили вместе с другой дополнительной по делу перепиской, если это окажется удобнее). Переходим к второй форме ведомости (см. стр. 134), нумерация граф которой должна быть совершенно аналогична номенклатуре второго признака (второй цифры) статистического шифра карточек.

Форма эта имеет только вертикальный признак, и поэтому соответствующая ей вторая цифра статистического шифра знаменателя не имеет; напр., жалоба на неправильное наложение административного штрафа отмечается в шифре знаком 88; при пользовании второй цифрой статистического шифра следует помнить, что до известной цифры (в предлагаемой ведомости до 50) она показывает жалобы, а сверх нее — заявления.

Пропущенные строчки являются запасными.

Предлагаемая ведомость включает в себя заявления в порядке ст. 91 УПК (строчки 1—25); эти заявления регистрируются в части общего надзора на карточках жалоб и в отчете показываются по ведомости о движении жалоб; при возбуждении же уголовного преследования с производством дознания или следствия на данной карточке делается соответствующая отметка, материал передается в часть дознания или следствия и там регистрируется уже на карточке № 11 или на карточке дознаний. В ведомость ф. № 8 производство по этим жалобам попадет только в том случае, если в результате этого производства в прокуратуру поступит следствие в порядке ст. 211 или ст. 203-а или дознание в порядке ст. 222-а УПК. Далее следует третья форма ведомости (см. правый столбец).

Нумерация ее граф должна точно соответствовать номенклатуре третьего признака (третьей цифры) статистического шифра карточек; эта форма имеет и вертикальные и горизонтальные графы; например, жалоба на действия ВИК'а отмечается в третьем признаке шифра знаком $\frac{11}{3}$ и показывается в 3 форме ведомости в вертикальной графе 11 и горизонтальной 3.

Если жалоба или заявление касается одновременно действий органов ниже и выше стоящих (напр., сельсовета, ВИК'а и УИК'а или ГИК'а и губкоммунотдела), то регистрироваться такая жалоба должна по признаку вышестоящего органа; если жалоба касается одновременно действий различных, не соподчиненных между собою органов, она должна регистрироваться по признаку того органа, действия которого относятся к основному моменту содержания жалобы.

Тем же соображением надо руководствоваться при регистрации жалобы и по второму признаку шифра; пример действия такого правила мы видим в разбивке по категориям преступлений судебно-следственных дел по обвинению по нескольким статьям УК.

Форма № 3.

На действия каких органов и лиц поступили жалобы и заявления	№№ граф	Количество жалоб, поступивших на действия органов: Губернских и губгородск.	Уездных и городских	Волостных	Сельских	Всего по губернии
		1	2	3	4	5
Прокуратуры	1					
Судебных органов	2					
Следователей	3	.....	5/60			
Судиспов	4					
Членов коллегии защитников	5					
Милиции	6					
Уголрозыска	7					
Органов ОГПУ: общих	8					
Органов ОГПУ: транспортных	9					
Мест заключения	10					
Исполкомов и советов	11					
Органов РКИ	12					
Органов земельного управления	13					
Земельных комиссий	14					
Коммунальных органов	15					
Финорганов	16					
Органов гос. страхования	17					
» здравоохранения	18					
» нар. образования	19					
» соц. обеспечения	20					
» охраны труда	21					
» соц. страхования	22					
» транспорта: жел.-дорожного	23					
» транспорта: водного	24					
» почтово-телеграфных	25					
» общественной взаимопомощи	26					
Торг.-промышленных предприятий: государственных	27					
Торг.-промышленных предприятий: кооперативных	28					
Торг.-промышленных предприятий: общественных	29					
Торг.-промышленных предприятий: частных	30					
Прочих органов	31					
Частных лиц	32					
Всего						

В целях разделения в данной форме ведомости количества жалоб от количества заявлений форму эту следует заполнять таким образом, чтобы жалобы проставлять в соответствующих ее графах в числителях, а заявления в знаменателях (след., карточки с второй цифрой шифра до 50 должны попасть в числители, а карточки с второй цифрой свыше 50 в знаменатели); например, относительно действий уездных следователей подано 5 жалоб и 60 различных заявлений-просьб, это должно быть показано в 3 форме ведомости в вертикальной графе 3 и горизонтальной 2 посредством дроби $^5/_{60}$ (см. нанесенный пример).

Наконец, нумерация граф четвертой формы ведомости (см. след. стр.) должна соответствовать номенклатуре четвертого признака (четвертой цифры) статистического шифра карточек.

Отметки 16, или 17, или 18 в четвертой цифре шифра являются конечно временными; когда производство по данной жалобе заканчивается, то отметки эти перечеркиваются и за ними ставится отметка окончательного направления, т.-е. одна из цифр 1—15.

В случаях, когда жалоба направлена для производства дознания или следствия, интересным является вопрос о дальнейшем результате производства по такой жалобе (подтвердилась ли жалоба расследованием или нет, т.-е. передается ли дознание или следствие в суд или прекращается); поэтому относительно жалоб, показанных в графе 1 данной формы ведомости, помещено особое примечание. Не следует смешивать рубрику «прекращено» в этом примечании с графой 15 «оставлено без последствий по расследовании»: в примечании показываются те жалобы, по которым было возбуждено формальное уголовное производство, в результате прекращенное; в графе же 15 показываются жалобы, по которым собирались только различные справки; запрашивались об'яснения, в результате чего жалобы оставлены без последствий.

Следует отметить, что если принять вышеприведенное правило для устранения двойного учета жалоб, то графы 10 и 11 в данной форме ведомости должны быть устранены, так как жалобы, передаваемые из одного органа прокуратуры в другой «на распоряжение», не должны согласно правила учитываться первым органом, тем более, что случаи, когда губпрокурор направляет жалобу для производства следствия через упомпрокурора, относятся к графе 1.

Для того, чтобы имелись данные для примечания к графе 1, необходимо, чтобы часть дознания или следствия (или

Форма № 4.

Движение жалоб и заявлений и их направление	№№ граф	Количество: Жалоб	Количество: Заявлений	Примечание
Оставалось неразрешенных от предыдущего периода				
Поступило в течение периода:				
Сверх жалоб и заявлений, показанных в настоящей отчетной ведомости, поступило еще неучтенных, по зарегистрированных на карточках «.....»				
Итого за период состояло в производстве				
За период рассмотрено и закончено производством:				
Из них: возбуждены угол. производства в пор. ст. 96 УПК с направлением: для произв. дознания или следствия	1)			
в суд	2			
возбуждено дисциплинарное преследование	3			
вступлено в гражданский процесс	4			
принесено судебных протестов	5			
принесено протестов и сделано предложений в порядке общего надзора	6			
удовлетворено непосредственно прокуратурой	7			
передано на распоряжение по принадлежности:				
адм. органам	8			
суд.-след. органам . . .	9			
уч. прокурорам или губпрокурору	10			
в прокуратуру других губерний	11			
прочим органам	12			
препровождено в дополнение к делу	13			
Оставлено без последствий:				
непосредственно	14			
по расследовании	15			
К концу отчетного периода остается незаконченных производством:				
Из них: запрошены об яснения от различных органов	16			
запрошено заключение от уч. помпрокурора	17			
не рассмотрено	18			

1) Из числа жалоб по гр. 1-ой: подтвердилось и передано в суд «.....», прекращено «.....», результаты неизвестны «.....».

участковая прокуратура) сообщала в регистратуру жалоб результаты по дознаниям и следствиям, возбужденным по жалобам; на карточках жалоб в этих случаях к четвертой цифре шифра (1) следует только присоединять знак + (подтвердились) или — (прекращено) или ? (результаты еще неизвестны).

Для иллюстрации всего вышеизложенного привожу два примера:

1. Жалоба подана в уездном городе красноармейцем военкому своей части на непредоставление сельсоветом льгот его семье; военкомом жалоба направлена губпрокурору и последним препровождена в сельсовет для дачи об'яснений, по получение которых оставлена без последствий. Шифр жалобы

$$\left|\frac{14}{2,8}\ 32\ \frac{11}{4}\ 16\ 15\right|$$

2. Заявление о растрате в волостном кооперативе подано участковому прокурору при выезде его в волость селькоромженщиной и направлено для производства дознания, которое по окончании направлено в суд для предания суду. Шифр заявления

$$\left|\frac{11}{5\text{ ж}}\ 6\ \frac{28}{3}\ 1\right|$$

В заключение следует отметить, что производство по жалобам в губуправлениях прокуратуры должно вестись по всем отделениям, соответственно содержанию жалобы и компетенции отделения; в эти отделения и должны направляться жалобы непосредственно по их получении при разметке почты. Такой порядок должен быть признан единственно правильным и практически удобным; некоторое затруднение при нем могут представить только случаи жалоб и заявлений смешанного содержания; однако, и в этих случаях вопрос направления такой жалобы легко разрешается по основному моменту ее содержания, с последующим производством по подлежащим отделениям и с соответствующими отметками на карточке жалобы.

Таковы в общем те соображения и выводы, которые возникают на местах в связи с поднятым вопросом об учете и отчетности по жалобам в органах прокуратуры и которые, быть может, помогут в деле общего освещения этого вопроса.

В. Любвин.

Г. Саратов.

Хроника.

Домовые тресты. — Наркомвнудел разработал законопроект об организации трестов по управлению муниципализированными домами. Сущность проекта сводится к следующему.

Горсоветам предоставляется право образовывать домовые тресты, передавая последним владения, находящиеся в непосредственной эксплоатации коммунальных органов. Кроме домов, в основной капитал трестов могут передаваться для обслуживания их нужд кирпичные, деревообделочные заводы и другие подобные предприятия.

Оборотные средства трестов составляются из доходов от переданного им имущества, в том числе и от арендной платы за торговые помещения, находящиеся в домах треста. Трестам предоставляется право получения долгосрочных кредитов из специальных капиталов жилищного фонда. В местный бюджет тресты обязаны отчислять лишь чистую прибыль, остающуюся по заключении годового баланса, за вычетом амортизации имущества и установленного процента отчислений в фонд улучшения быта рабочих. Тресты пользуются налоговыми льготами, установленными для жилищно-арендной кооперации, а в случае строительства—также и льготами, предоставленными жилищно-строительной кооперации. Взносы на социальное страхование тресты делают в размере, установленном для предприятий, состоящих на госбюджете.

Домовые тресты находятся в ведении коммунальных органов. План деятельности, производственные программы и сметы трестов утверждаются горсоветами. В текущую административную и операционную деятельность трестов не вправе вмешиваться ни центральные, ни местные госучреждения.

Во избежание коммерческого уклона в деятельности трестов в ущерб жилищным условиям трудящихся трестам запрещается использовать жилые помещения для нежилых целей и сдавать освобождающиеся помещения нетрудовым элементам. Квартирная плата должна взиматься по установленным общим законам о квартирной плате ставкам; дополнительное обложение жильцов не допускается. Жильцы избирают наблюдательные комиссии, которые имеют право сообщать коммунальным органам о недочетах по ведению трестами домового хозяйства.

Принудительное лечение алкоголиков. — В центральной комиссии по борьбе с алкоголизмом обсуждался вопрос о принудительном лечении алкоголиков.

Комиссия пришла к выводу, что в виду социальной опасности, представляемой лицами, злоупотребляющими алкоголем и не желающими добровольно подвергнуться соответственному лечению, необходимо проводить принудительное их лечение.

Право принудительного освидетельствования, наблюдения и лечения должно быть предоставлено органам здравоохранения.

Принудительное лечение должно применяться в отношении лиц, у которых при опьянении обнаруживаются явления психического расстройства; лиц, которые в пьяном виде грубо нарушают общественное спокойствие, порядок и правила благопристойности общежития; лиц, своим поведением препятствующих работе и угрожающих безопасности семьи и окружающих, а также лиц, расточающих и разрушающих имущество.

Для осуществления принудительного лечения должны быть использованы существующие невро-психиатрические учреждения, диспансеры, стационары, профилактории, колонии и т. д. В частности для особо опасных в социальном отношении должны быть организованы особые учреждения для

принудительного лечения подаются в вышестоящие органы лированы и где должен применяться лечебно-трудовой режим.

Принудительное лечение будет осуществляться через органы милиции. Жалобы на неправильность применения принудительного лечения подаются в вышестоящие органы здравоохранения. Постановление губернского или областного здравоотдела считается окончательным.

Порядок регистрации внебиржевых сделок. — Наркомторгом СССР совместно с НКЮ РКИ представлен в СТО доклад о порядке регистрации внебиржевых сделок.

Все внебиржевые торговые сделки по купле-продаже, поставке и товарообмену, совершаемые государственными предприятиями и учреждениями, кооперативными организациями и предприятиями, обязанными публичной отчетностью (в том числе и частными), а также арендаторами государственных промышленных предприятий, должны регистрироваться в последующем порядке на товарной бирже, а где биржи нет— в местных органах Наркомторга, в наиболее крупных торговых пунктах; список пунктов для регистрации внебиржевых сделок устанавливается Наркомторгом. Наименьшим размером суммы, при которой сделки подлежат регистрации, повсеместно устанавливаются 500 руб., за исключением Москвы, где этот размер устанавливается в 1.000 руб. Освобождаются от регистрации сделки сельских потребительских первичных кооперативов, а также сделки всех первичных сел.-хоз. и промысловых кооперативов.

Сделки представляются к регистрации не позднее, чем через 5 дней по их заключении, в виде описей, по форме, разработанной Наркомторгом СССР. Расходы по регистрации внебиржевых сделок покрываются из бюджетных ассигнований по смете Наркомторга СССР.

В возмещение расходов государства по производству регистрации все внебиржевые сделки, подлежащие регистрации, как в органах Наркомторга, так и на биржах, оплачиваются особым регистрационным сбором по марочной системе, обращаемым в доход казны, в следующих размерах: сделки на сумму от 500 до 1.000 руб.—25 коп., от 1.001 руб. до 3.000 руб.—50 коп., от 3.001 руб. до 20.000—1 руб. 50 коп., от 20.001 руб. до 50.000 руб.—5 руб., от 50.001 руб. и выше — 10 руб.

От представления к регистрации освобождаются сделки на сдачу продукции трестами своим синдикатам и на снабжение синдикатами трестов сырьем и оборудованием (внутрисиндикатские сделки), сделки НКПС на снабжение транспорта минеральным топливом и сделки, заключаемые союзами кооперативов и первичными городскими потребительскими кооперативами с кооперативными организациями всех степеней и видов. Сведения по этим сделкам представляются в порядке информации два раза в месяц.

Отмена регистрации внутрисиндикатских и внебиржевых сделок. — Наркомторг освободил от обязательной регистрации (в порядке постановления СТО от 24 февраля 1926 г. о регистрации внебиржевых сделок) внутрисиндикатские внебиржевые торговые сделки, купли-продажи, т.-е. соглашения членов синдикатов с синдикатом, основанные на уставе и относящиеся к передвижению товаров.

Для наиболее полного учета оптового товарооборота Наркомторг СССР обязал правления синдикатов представлять через каждые 15 дней соответствующим биржам в информационном порядке сведения о заключаемых внутрисиндикатских сделках.

Выдача и расходование авансов в госучреждениях, состоящих на коммерческом расчете. — НКФином СССР по соглашению с ВСНХ, НКТоргом и НК РКИ СССР утверждены правила о порядке выдачи и расходования подотчетных сумм (авансов) в госучреждениях и предприятиях, состоящих на коммерческом (хозяйственном) расчете (ц. НКФ 1926/27 г. № 76—«В. Ф.» 1926 г. № 6). Согласно правил, государственные учреждения и предприятия, состоящие на коммерческом или хозяйственном расчете, могут выдавать своим сотрудникам и агентам денежные суммы (авансы) под отчет для производства таких расходов, по которым явка прямых кредиторов в кассы НКФина и Госбанка или в кассы названных выше учреждений и предприятий невозможна или затруднительна.

Подотчетные суммы (авансы) могут выдаваться: на операционные расходы, на административно-хозяйственные расходы (на приобретение канцелярских принадлежностей и материалов, на содержание зданий, оплату почтово-телеграфных услуг и т п.) и на расходы по служебным командировкам.

Выдача сотрудникам авансов в счет заработной платы воспрещается.

Авансы выдаются не ранее наступления действительной надобности в производстве расходов и могут расходоваться исключительно на те потребности, на которые они выданы.

Авансы выдаются: на операционные расходы — тем лицам, которым поручено исполнение данной операции; на административно-хозяйственные расходы — тем сотрудникам, на которых по распоряжению руководителя учреждения возложено производство этих расходов; на путевое довольствие при командировках — командируемым лицам непосредственно.

Указанные лица являются ответственными за сохранность полученных ими авансов и за своевременное представление отчетов в израсходовании этих сумм.

Все лица, получившие деньги под отчет, должны представлять руководителю учреждения или предприятия отчеты в действительном употреблении отпущенных им сумм с приложением документов, удостоверяющих правильность показанных в отчетах денежных выдач. По авансам на операционные (заготовительные, строительные и пр.) расходы отчеты должны представляться не реже одного раза в месяц, по авансам на канцелярские, хозяйственные и почтово-телеграфные расходы—не реже, чем через 2 недели со дня получения аванса, и по авансам на командировки — не позже 7 дней по возвращении из командировки.

Неизрасходованные остатки подотчетных сумм (авансов) возвращаются без задержки учреждению или предприятию по окончании операции или по возвращении из командировки, при чем квитанции в их взносе должны прилагаться к отчетам в действительном употреблении отпущенных сумм. Если операция, в счет которой выдан аванс, отменяется, то выданная под отчет сумма возвращается учреждению или предприятию немедленно и во всяком случае не позднее 3 дней после получения авансодержателем распоряжения об отмене.

Лица, не представившие отчетов и оправдательных документов в израсходовании полученных ими под отчет сумм и не сдавшие неизрасходованных остатков этих сумм в сроки, подвергаются ответственности на основании существующих узаконений.

Регистрация актов усыновления. — В виду возникшего на местах вопроса о том, как надлежит поступать органам ЗАГС в том случае, когда они усмотрят нарушение того или иного закона в присланных им копиях постановлений органов опеки для регистрации актов усыновления, Наркомпрос и Наркомюдел раз'яснили (ц. 439/208—1926 г.—«Бюлл. НКВД» № 29), что в этих случаях органы ЗАГС, приостановив регистрацию акта усыновления, должны о нарушении закона сообщить вышестоящему органу опеки, который может отменить обжалованное постановление о разрешении усыновления, поскольку оно несогласно с законом.

Оплата сверхурочных работ. — Нар. Ком. Труда СССР раз'яснил (ц. № 257/387 — 1926 г. — «Труд» № 281), что инспектора труда при разрешении сверхурочных работ указывают лишь количество часов, в течение которых может производиться сверхурочная работа, и срок действия разрешения.

Формы же и размеры оплаты сверхурочных работ устанавливаются по соглашению трудящегося и нанимателя, при чем оплата не может быть ниже норм, установленных действующим законодательством о труде.

Правоспособность профсоюзных организаций. — ВЦСПС раз'яснил (ц. № 12 от 18/I—1927 г.—«Труд» № 20), что все союзные (центральные комитеты, центральные правления; обл., краев., губ., окр., районные, уездные правления, комитеты, отделы и отделения) и межсоюзные (ВЦСПС, республиканские, край, обл., губ., окр., уездные советы и бюро) профессиональные организации в имущественно-хозяйственном отношении обладают в качестве юридических лиц гражданской правоспособностью. Вышестоящие профорганизации имущественно не отвечают по обязательствам нижестоящих профорганизаций и обратно.

Низовые ячейки профсоюзов на предприятиях и в учреждениях (фабзавкомы, месткомы, рудничные комитеты, рабочкомы, профуполномоченные и т. п.) не пользуются правами юридического лица и поэтому не могут совершать ни от своего лица, ни по уполномочию (доверенности) вышестоящих профорганизаций каких бы то ни было имущественных сделок. При необходимости же совершения таковых сделок в интересах низовой ячейки профсоюза подлежащая вышестоящая профорганизация от своего имени и за своей ответственностью выдает в каждом отдельном случае персональное полномочие тому или иному члену или представителю означенной низовой ячейки профсоюза.

Местные органы ВЦСПС, центральных комитетов и других межсоюзных и союзных профорганизаций (бюро, уполномоченные и пр.) являются представителями этих организаций и поэтому действуют на основании и в пределах полномочий, даваемых им этими организациями.

Должностные лца профорганизаций правомочны действовать от имени профорганизации либо непосредственно на основании положения о соответствующей профорганизации (без специального полномочия), либо по уполномочию органа (или должностного лица), непосредственно правомочного на основании положения о профорганизации. Полномочия на действия от имени профорганизации должностным лицам профорганизаций, а также и посторонним лицам выдаются в форме протокольных постановлений органа (или должностного лица), непосредственно правомочного на основании положения о профорганизации.

Получение груза в пути его следования. — НКПС разработал новый порядок выдачи груза в пути его следования всем госучреждениям, госпредприятиям и кооперативным организациям. Груз этот будет выдаваться на основании требования этих организаций на промежуточных станциях по месту нахождения груза и на передаточных станциях, если через них груз еще не проследовал. Новый порядок распространяется на повагонные отправки, так как в этих случаях возможна выдача груза во время стоянки поезда без задержки его на станции.

Исчисление трудового стажа инвалидов труда, инвалидность которых установлена в возрасте свыше 50 лет. — Союзный Совет соц. страх. постановил (ц. № 225/921—1926 г.— «Вопросы страхования» 1926 г. № 44):

Инвалидами труда вследствие старости в смысле ст. I пост. ЦИК и СНК СССР от 28 августа 1925 г. («С. З.» 1925 г. № 57, ст. 429) считаются инвалиды труда, стойкая нетрудоспособность которых установлена по достижении ими 50-летнего возраста.

Инвалидами труда вследствие старости не считаются лица, инвалидность которых наступила вследствие трудового увечья или профзаболевания (ст. 8 названного пост.), хотя бы инвалидность была установлена и в возрасте старше 50 лет.

Указанные инвалиды труда имеют право на пенсию по инвалидности при условии непрерывной работы по найму в течение 8 лет непосредственно до оставления ими работы по найму.

Перерывы в работе, происшедшие вследствие временной утраты трудоспособности, засвидетельствованной соответствующим лечебным учреждением или страховым органом, засчитываются в стаж работы по найму.

Не прерывает течения стажа работы по найму, но не засчитывается в этот стаж: время нахождения в рядах Красной армии и флота; время безработицы, зарегистрированной в посреднических органах НКТ, а в местностях, где таковые отсутствуют, — в соответствующем профсоюзе, независимо от наличия права на пособие по безработице; время перерывов в работе по найму без регистрации в посреднических органах НКТ или в соответствующем профсоюзе, если каждый перерыв не превышает шести месяцев, и если общая продолжительность всех перерывов не превышает 2 лет; время обучения в учебных заведениях; время получения пенсии от дореволюционного правительства по одному из ведомств; время нахождения под стражей.

При установлении стажа работы по найму лиц, занятых на работах, носящих сезонный характер и подлежащих страхованию по инвалидности, сезон работы считается за год работы.

Перерывы во время сезона не превышают стажа работы по найму, если каждый перерыв не превышает 3 месяцев, и при условии, если общая продолжительность всех перерывов не превышает одного года.

Лица, получавшие пенсии, как инвалиды труда, и поступившие на работы после назначения им пенсии, обеспечиваются в случае оставления работы в возрасте старше 50 лет, вне зависимости от длительности их стажа работы по найму.

Не засчитывается в стаж работы по найму и прерывает течение стажа время службы в полиции, жандармерии и других административных и судебных органах при царском строе, имевших своим назначением борьбу с революционным движением.

Раз'яснение по сельхозналогу.—НКФин СССР раз'яснил, что земля, используемая в порядке испольной аренды, как общее правило, облагается по хозяйству испольщика (арендатора по нормам доходности, пониженным на 15% (§ 177 инструкции).

Доход, получаемый владельцем надела (сдатчиком) от сдачи земли на испольных началах, включается в облагаемый доход по хозяйству владельца надела (сдатчика), как неземледельческий доход.

Волостным и районным налоговым комиссиям предоставляется право в порядке §§ 176-б, 298, 303 инструкции исключать из обложения доход владельцев надела (сдатчиков) от сдачи земли в тех случаях, когда владельцем надела является маломощное хозяйство (ц. № 52—1926—27 г.—«В. Ф.» № 3—1926—27 г.).

За рубежом.

БЮРО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ СОЮЗЕ РУССКИХ РАБОЧИХ ВО ФРАНЦИИ.

В СССР каждому, наверное, известно, что за границей и в частности во Франции имеются тысячи граждан, которые за рубежом хотят жить общей жизнью с Великим Советским Союзом.

Эти граждане—члены тех трудовых масс, которые по тем или иным причинам оказались за рубежом.

Два года тому назад один за другим начали по всей Франции возникать союзы, стоящие на советской платформе,— союз русских рабочих, союз студентов СССР, союз возвращения на родину, союз инвалидов-граждан СССР и ряд национальных союзов: украинский, грузинский, армянский, азербайджанский, число членов которых в Париже и в провинции достигло в настоящее время нескольких тысяч человек.

Чрезвычайно усложнившаяся послевоенная правовая жизнь, непрерывно продолжающийся количественный рост членов указанных союзов, а также сильно возросшее влияние последних среди трудящихся масс поставили перед правлениями союзов сотни правовых вопросов, настолько существенных и важных, что советская общественность во Франции, по инициативе и почину союза русских рабочих, решила создать при последнем бюро юридической помощи для обслуживания не только членов всех советских общественных организаций, но также и граждан СССР, временно пребывающих во Франции.

В настоящее время бюро, возникшее год тому назад, можно считать одним из самых активных на чужбине советских общественных учреждений.

В ведение бюро входят следующие функции: 1) оказание юридической помощи; 2) чтение лекций и докладов, всесторонне освещающих правовую и экономическую структуру и жизнь советских республик; 3) об'единение всех юридических сил во Франции, стоящих на советской платформе.

Первый год деятельности бюро показал, насколько сильна была потребность и нужда в подобной организации. Перед юристами, членами бюро, прошли сотни самых разнообразных и запутаннейших юридических казусов, затрагивающих все отрасли жизни и права: вопросы рабоче-профессионального характера, административные (визы, паспорта и т. п.), налоговые, квартирные, дела гражданские (семейное и наследственное право), а также масса дел, связанных с несчастными случаями при работе.

Правовые вопросы коллизионного характера вызвали ряд интересных заключений, сообразно действующему французскому праву, законодательству СССР, а также праву Румынии, Польши и лимитрофных государств.

По ряду дел консультантам приходилось лично ходатайствовать не только в судебных, административных и консульских учреждениях, но и в страховых обществах. Все советы давались совершенно бесплатно. По тем же делам, по которым были необходимы судебные выступления французского адвоката, бюро заручилось согласием известного парижского адвоката Анри Торреса на безвозмездное ведение рабочих дел. Кроме указанной работы, протекавшей в даче устных и письменных заключений, составлении деловых бумаг, направлении товарищей к французским поверенным и руководству в лице отдельных членов делами тов тов. в судебных и административных учреждениях, члены бюро прочли в Париже и в провинции ряд докладов, широко затронувших правовые вопросы, связанные с законодательством СССР («Основы Советской Конституции», «Кооперативное законодательство в СССР и в Западной Европе», «Земельный Кодекс», «Брачное право», «Марксистская теория права», «Советское и европейское трудовое законодательство» и др.), вызвав огромный интерес ко всем вопросам, затронутым докладами.

В начале 1926 г. бюро обратилось к Народному Комиссару Юстиции РСФСР тов. Курскому с кратким отчетом о своей

деятельности и с просьбой поддержать бюро необходимой для его работ юридической литературой. В ответ на это письмо Народный Комиссар Юстиции не замедлил откликнуться и прислал для бюро чрезвычайно ценный дар, в виде большого количества книг и журналов юридического характера по всем вопросам советского права и законодательства.

Бюро юридической помощи, насчитывающее в настоящее время свыше 30 юристов-консультантов, на последнем своем общем собрании избрало руководителем бюро секретаря генконсульства СССР тов. К. А. Якубовского и президиум для заведывания бюро.

По автономным республикам.

Состояние преступности и итоги борьбы с ней в Семипалатинской губ. Казакской АССР.

В ноябре месяце 1925 года губернская партийная конференция ВКП(б) по докладу «О революционной законности» одним из пунктов констатировала: «Продолжающая расти преступность в губернии является одним из тормазов, препятствующих нормальному развитию хозяйства. Главным злом в этом отношении является скотокрадство, которое к общему числу преступлений в губернии составляет 17,76%; не менее опасным явлением нужно считать должностные преступления (главным образом, растрата В. Ш.), которые имеют из года в год тенденцию к повышению (3,76% в 1923 г. и 6,02% в 1925 г.) и особенное распространение получили в низовой кооперации... Развитие и рост преступности по губернии необходимо в значительной степени отнести за счет слабости нашего судебно-следственного аппарата».

Это постановление давало оценку и предопределяло работу судебно-следственных органов, органов дознания и прокуратуры. Скотокрадство в губернии к тому времени дошло до такого развития, что о нем начали говорить, как о политическом факторе, помимо того, что крестьянство недовольно было властью, но также на этом разжигались междунациональные отношения (в губернии до 50% русского населения). Обычно русские в воровстве скота обвиняли казаков.

Преступность в губернии до 1925 г. непрерывно росла. Вот цифры: 1923 г.—9.722, 1924 г.—13.562, 1925 г.—16.614 и 1926 г.—12.402, последний год дал значительное понижение. В %% выражается так: беря первый год за 100%, последующие 139%, 170% и последний год 122%, таким образом 1926 г. против 1925 г. дал сокращение на 25%. Скотокрадство в этом году сократилось на 26%.

Зато должностные преступления из года в год растут и в количественном отношении и в %% отношении к общему числу преступлений; так, в 1923 г.—366 случаев или 3,73%, 1924 г.—577 или 4,26%, 1925 г.—1.000 или 6,2% и в 1926 г.—1.086 или 8,74% к общему числу преступлений.

Растраты в должностных преступлениях занимают свыше 50%. Общая сумма растрат за этот год выражается около 400.000 руб.

Обострение борьбы с преступностью вообще и с скотокрадством, в частности, привело к переполнению мест заключения: на 1 января 1925 г. содержалось 692 чел., а на 1 октября 1.439.

Развертываемые работы по борьбе с преступностью увязывались с привлечением актива крестьянства к участию в совещаниях по борьбе с преступностью при волисполкомах, хотя последние далеко не во всех волостях получили свое оформление, и систематическим привлечением внимания общественного мнения через печать.

Решительные меры борьбы с скотокрадством дали свой результат: сейчас острота политического значения этого вопроса совершенно миновала, изживается межнациональный антагонизм на этой почве.

Среди скотокрадов есть как казаки, так и русские, дома лишения свободы вместили в себя за этот вид преступления почти пополам как русских, так и казаков.

Вернейший метод борьбы с скотокрадством в казакской части это выявление и привлечение к уголовной ответственности на-ряду с физическими исполнителями скотокрадства (в большинстве бывают беднота и батраки), организаторов и руководителей скотокрадов (обычно эти лица являются влиятельными, руководители родов—баи-кулаки). Привлечение в некоторых уездах губернии таких лиц к ответственности и взятие их под стражу сразу давало ощутительные результаты в смысле уменьшения скотокрадства.

В эту осень, когда обычно преступность, а, главным образом, скотокрадство, развивалась, мы имеем единичные частные случаи скотокрадства против организованного массового воровства (шайки скотокрадов) прошлого года, и почти не имеется случаев открытого нападения на проселочных дорогах, чего за прошлую осень сказать было нельзя.

Проделана большая работа по пересмотру состава судебно-следственных работников и работников органов дознания; всего по губернии удалено от работы 13%. На-ряду с этим работали и будут продолжать работать юридические курсы по переподготовке этих работников. Нужда к переподготовке очень велика.

Разгружен следственный аппарат от залежей старых дел; на 1 октября 1925 г. на следователя приходилось 96 дел и на 1 октября этого года осталось 23 дела.

Бытовые преступления—кун, калым, аксакальские суды, баранта и т. д.,—на первый взгляд как-будто своего развития не получают, однако, это неверно. Все эти преступления сейчас изменяются: идет приспособление к условиям и обстановке. Главнейший недостаток в борьбе с этим злом—это то, что низовые работники, от сельсовета, ВИК'а до судьи и следователя включительно, по собственной инициативе по бытовым преступлениям дел, за редким исключением, не возбуждают, хотя бы это и происходило у них на глазах.

Основной задачей на ближайший период мы ставим: улучшение работы милиционера, следователя и судьи, справившись с этим, мы также справимся и с должностными преступлениями, без улучшения первого, борьба с должностными преступлениями чрезвычайно затруднительна.

Ни в какой мере нельзя ослаблять темпа борьбы с скотокрадством и использования метода выявления и привлечения к уголовной ответственности организаторов и руководителей баев-кулаков.

Губернский с'езд селькоров выдвинутое нами положение о состоянии преступности и мерах борьбы одобрил и подчеркнул правильность выводов. Залог успеха в борьбе с преступностью обеспечен. Создана здоровая обстановка для работы тем, что партийно-советская общественность, в лице селькоров, аулькоров, оказывает всемерную поддержку в работе органам, проводящим революционную законность.

В. Шаповалов.

Гор. Семипалатинск.

На местах.

Итоги Донского окружного судебного совещания.

Совещание самым тщательным образом проработало вопросы борьбы с хулиганством, оказания юридической помощи населению; улучшения качества работы органов суда и следствия; борьбы с растратами; улучшения условий работы, и вопросы касспрактики, как уголовной, так и гражданской.

Остановимся на этих вопросах подробностей. Юридическая помощь в городе находится в удовлетворительном состоянии, но в деревне, местами, она поставлена из рук вон плохо, есть такие села и деревни, где нет абсолютно никакой помощи крестьянству. Кроме этого, в некоторых местностях она поставлена неудовлетворительно. Поэтому по Донскому округу было открыто 42 справочных стола. Характерно отметить, что рост посещаемости юрид. бюро при коллегии защитников значительное падает, и неимоверно возросла обращаемость по юридическим вопросам в избы-читальни. Последнее обстоятельство об'ясняется тем, что изба-читальня снабжена популярной литературой, специально предназначенной для изб-читален. Таким образом, изба-читальня становится популяризатором советских законов, и эту деятельность совещание решило всемерно поддерживать и развивать в текущем году, для чего судьям, следователям, членам коллегии защитников предложено принять всемерное участие в работах избы-читальни. Для поднятия авторитета избы-читальни будут использованы выезды членов краевого суда, каковые будут давать руководящие указания в работе.

Совещание отметило падение дисциплины со стороны членов коллегии защитников, оно граничит во многих случаях с неуважением к суду, почему президиуму коллегии защитников предложено принять самые решительные меры к искоренению недисциплинированности: в этом помогут судебные работники, зачастую не сообщавшие о тех или иных нарушениях дисциплины членов коллегий защитников в президиум последней. Кроме этого, президиуму предложено послать членов коллегии защитников для оказания юридической помощи в те места, где таковых нет.

Очень большое внимание совещанием было уделено вопросу о хулиганстве. По общему мнению выступавших, а равно и по данным прокуратуры, хулиганство не имеет тенденции к снижению. Характерно отметить, что большая половина случаев хулиганства падает на город Ростов, несмотря на то, что здесь с ним ведется более усиленная борьба. Таким образом, необходимо усилить борьбу с хулиганством. Решено принять все меры к усилению карательной политики в отношении злостных хулиганов. Дела о таких хулиганах ставить показательными в рабоче-крестьянских клубах. Также приняты решения, обеспечивающие более быстрый разбор дел о хулиганстве.

Совещание констатировало значительное падение числа дел о растратах. Общее мнение таково, что растраты имеют тенденцию к снижению. Растраты производятся гораздо реже, но суммы их значительно увеличиваются. Поэтому совещание отметило необходимость той же решительной борьбы, ни в коей мере не ослабляя ее. Решено усилить темп разбора дел о растратах, это необходимо как суду, так и органам предварительного следствия. По данным прокуратуры, по Донскому округу, за период январь—июль 1926 г., совершено 724 растраты, на общую сумму 464.000 руб., из них: 40% падает на госпредприятия, 10% на кооперацию и т. д. По своему социальному положению растратчики в большинстве случаев служащие. Их около 50%, на втором месте крестьяне—30% и на третьем месте рабочие—20%.

Остановившись на кампании выборов нарзаседателей, совещание отметило ряд дефектов в прошедшие выборы. Прежде всего, в предыдущие кампании менее активное участие приняли судебные работники. Кампания была начата с большим запозданием, почему проходила на-спех. В эту же кампанию подготовительные работы были закончены в октябре, след., кампания начата своевременно. Судебным работникам дан строгий наказ принять в предстоящей кампании самое активное участие и использовать ее в целях популяризации советского законодательства. Кроме этого, отметили необходимость выполнения директив НКЮ в отношении большего привлечения в работы суда батрацкого элемента, каковой был недостаточно привлечен в работе суда в истекшем году.

Самые ожесточенные выступления целого ряда товарищей вызвал вопрос об условиях работы судебных и следственных органов. Прежде всего отмечено, что в материальном отношении судебные работники обеспечены менее, чем милиция и другие организации, так, напр., в округе судья получает 90 руб., а начальник адмотдела—130 руб. В городе н-к отделения милиции получает 140 руб., а следователь, осуществляющий надзор, получает 120 руб. Некоторые камеры находятся в тяжелых условиях. Волей обстоятельств создается бюрократизм, так как за отсутствуем операционно-хозяйственных и других средств корреспонденция задерживается по месяцу и более и не отсылается по назначению, более квалифицированные работники уходят, в виду недостаточной материальной обеспеченности. Все это вместе взятое порождает загруженность в работе. Принята резолюция, указывающая на ряд мероприятий, могущих устранить все эти недостатки.

С особым интересом совещание заслушало доклад уголовного и гражданского кассационных отделений. По общему мнению выступавших, кассационные отделения за отчетный период в достаточной степени справились с возложенной на них работой как в смысле усиления темпа прохождения дел, так и в области руководства работой народных судов, в результате чего имеет место несомненное улучшение качественной стороны работы последних. Кроме этого, совещание отметило недостаточность практики частных определений по гражданскому кассационному отделению и наличие случаев противоречивых толкований гражд. касс. отделения одних и тех же норм гражданского, материального и процессуального, права, что прежде всего должно быть об'яснено текучестью личного состава работников названного отделения. В целях изжития отмеченных дефектов, совещание решило небходимым: а) кассационным инстанциям усилить работу по инструктированию нарсудов как путем вынесения частных определений по кассированным делам, так и посредством товарищеских инструктивных писем, черпая материал для последних из кассационной практики и из дел, требуемых для просмотра в порядке циркуляра НКЮ № 62—26 г.; б) народным судам обратить самое серьезное внимание на необходимость дальнейшего поднятия качественной стороны работы, в полной мере учитывая и осуществляя указания кассационной инстанции в определениях, частных определениях и товарищеских письмах; в) придавая значение первостепенной важности единству кассационной практики, устойчивости состава работников касс. инстанций, просить президиум крайсуда принять меры к твердому закреплению личного состава членов суда по упомянутым отделениям в соответствии с имеющимися постановлениями пленума крайсуда.

г. Ростов-на-Дону. **В. Поляченко.**

Работа нотариата в деревне.

В Липецком уезде Тамбовской губ. нотариальная работа в деревне проводится в жизнь с 1 июля 1926 г. Работа, выполненная ВИК'ами и сельсоветами за три месяца истекшего бюджетного года, выразилась в совершении 480 нотариальных действий, из них преобладает засвидетельствование подписей, копий и договоров. За указанные действия получено сборов 149 руб. 30 коп. Несмотря на неудачное для совершения сделок время (летние полевые работы), все-таки эта работа ярко характеризует насущную потребность крестьянского хозяйства в оформлении его сделок, которые ранее оставались неоформленными, давая широкий простор злоупотреблениям и, может-быть, порождая излишние судебные процессы. Для проведения в жизнь нотариата в деревне принимались меры в виде докладов на уездном пленуме УИК'а, на уездном совещании судебно-следственных работников, выпуска сборника декретов, распоряжений, постановлений и проч. по засвидетельствованию сделок, договоров и документов, выездов в ВИК'и и сельсоветы, а также и обследования некоторых ВИК'ов и сельсоветов по ведению этой работы. В результате работа налажена, грубых упущений и неправильностей не наблюдается, но все-таки требуется инструктирование. На местах установлено, что формы засвидетельствований являются настолько громоздкими, что по своему тексту превосходят величину текста свидетельствуемого документа, и этим отнимают много времени, почему часто приходится подшивать целые листы, затем припечатывать, скреплять и проч. Все это делает работу технически трудно выполнимой и требует значительного упрощения. Упрощение желательно довести до самых минимальных пределов.

М. Давыдова.

г. Липецк Тамбовской губ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
3. Непринятые рукописи обратно не возвращаются.
4. Гонорар получается в Редакции самими авторами. Иногородним высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ: №№ 14, 15, 16, 17, 19.—Доклад о работе ГКК Верхсуда за 1925 г.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМЮСТА.

Циркуляр № 14.

Всем краевым, обл. и губ. судам и прокурорам.

О распространении действия циркуляра НКЮ 1926 г. за № 205 на ревизионные комиссии Наркомзема.

В дополнение к циркуляру НКЮ от 13 ноября 1926 г. за № 205 («Е. С. Ю.» 1926 г. № 47) разъясняется, что действие означенного циркуляра распространяется и на случаи вызова и допроса в качестве свидетелей судебными и следственными органами председателей и членов ревизионных комиссий при хозяйственных органах Народного Комиссариата Земледелия и подведомственных ему краевых, областных и губернских земельных управлений.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

15 января 1927 г.

Циркуляр № 15.

Краевым, обл. и губ. судам и прокурорам.

О порядке открытия кредитов без подразделения §§ на статьи.

НКФ РСФСР (по Бюджетному Управлению) циркулярным отношением от 15 января с. г. за № 33014/00 уведомил, что он признает в настоящее время возможным ограничиться исполнением смет и учетом расходов в области сметных подразделений только по параграфам, без статей, о чем НКФ по подведомственной линии и сделано соответствующее распоряжение.

В соответствии с этим Народный Комиссариат Юстиции поясняет:

1. Учет кредитов по основным книгам и по балансу не изменяется, но по книгам: учета кредитов, расходов, ассигновок выписанных и местных учреждений, а также по сличительным ведомостям, ведется лишь по параграфам. В бюджетной книге расходов каждый параграф необходимо детализировать по видам расходов, предусмотренным этим параграфом в годовой смете.

2. Расходные расписания, переводные требования, кредитные предписания и ассигновки надлежит составлять общей суммой по каждому параграфу, без подразделения последних на статьи; и лишь в уведомлениях об открытии кредитов третьестепенным распорядителем указывать, на какой вид расходов какая сумма предназначена по каждому данному параграфу сметы.

При исходатайствовании кредитов также надлежит указывать, на какую надобность испрашиваются кредиты.

3. Время перехода на новый порядок исполнения сметы и учета кредитов надлежит согласовать с местными финорганами.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

20 января 1927 г.

Циркуляр № 16.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О покрытии задолженности губсудов за регистрационные карточки.

В связи с наступлением сроков платежей по договору, заключенному 28 сентября 1926 года Наркомюстом с 1 Образцовой типографией Госиздата на изготовление регистрационных карточек для органов юстиции, состоящих на местном бюджете, по их заявкам, Народный Комиссариат Юстиции просит губсуды принять зависящие меры к покрытию числящейся за ними задолженности за карточки для местных органов юстиции, сделав соответствующее распоряжение и уполномоченным о том же.

Деньги должны направляться в адрес НКЮ, Финансовый п/отдел, исходя из цены—1 руб. 40 коп. за 1.000 карточек.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики **Крыленко.**

20 января 1927 г.

Список местностей, составленный согласно ст. 2 положения о государственном нотариате («С. У.» 1926 г. № 74, ст. 576).

В нижеуказанных местностях, в тех городах и поселениях, где не имеется нотариальных контор, народные судьи исполняют нотариальные действия в том же об'еме, как и нотариальные конторы:

Башкирская автономная республика;
Дагестанская автономная республика;
Карельская автономная республика;
Казакская автономная республика;
Якутская автономная республика;
Ингушская автономная область,
Автономная область Калмыцкого Народа;
Киргизская автономная область;
Автономная область Коми;
Автономная область Ойратского Народа;
Северо-Осетинская автономная область;
Уральская область;
Дальне-Восточный край;
Сибирский край;
Архангельская губерния;
Вологодская губерния;
Мурманская губерния;
Северо-Двинская губерния;
Сунженский округ Северо-Кавказского края;
Омутнинский уезд Вятской губернии.

Зам. Нар. Ком. Юстиции **Крыленко.**
Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

19 января 1927 г.

Циркуляр № 17.

Всем краевым, обл. и губ. судам.

О циркулярах, утративших силу.

Об'является список циркуляров НКЮ, утративших силу или значение в связи с введением в действие Угол. Код. в редакции 1926 г., Пол. о судоустройстве РСФСР в редакции 1926 г. и другими узаконениями, а равно потерявших значение, поскольку они имели временный характер:

1922 г. № 154—с введением УК в ред. 1926 г. (ст. 36).
№ 155—тоже (ст. 30).
1923 г. № 118—тоже (ст.ст. 23 и 35).
№ 139—как утративший значение.
№ 168—с введением УК в ред. 1926 г. (ст.ст. 48 и 50).
№ 169—погашенный с введением Пол. о судоустр. в ред. 1926 г. (ст. 186).
№ 202—с введением инструкции НКЮ № 222.
№ 205—как утративший значение.
№ 229—с введением нов. ред. гл. 29 ГПК («С. У.» 1926 г. № 41, ст. 315).
1924 г. № 14—с введением нов. «пол. об изд. обязат. пост.» («С. У» 1926 г. № 39, ст. 304). Указание, что суды ни в каком случае не могут принимать к рассмотрению дел по правонарушениям, которые не подпадают под действие какой-либо из статей особенной части УК или хотя и подпадают, но преследуются в порядке административном или дисциплинарном (напр., ч. 1 ст. 85, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 191 УК и др.) сохраняет полную силу.
№ 118—с введением Пол. о судоустр. ред. 1926 г. (ст. 135).
№ 180—как имевший временное значение.
1925 г. № 7—с введением Пол. о суд. в ред. 1926 г. (ст.ст. 189, 190).
№ 54—с введением нов. ред. главы 29 ГПК («С. У.» 1926 г. № 41, ст. 315).
№ 102—с введением УК в ред. 1926 г. (ст. 100).
№ 145—с изданием новой таксы оплаты нот. действий («С. У.» 25 г. № 49, ст. 379).
№ 156—с введением Уг. Код. в ред. 1926 г. (ст. 62).
1926 г. № 7—с введением в действие нового Пол. о местных финансах (прим. к ст. 95).
№ 9—с введением Уг. Код. в ред. 1926 г. (ст. 60).

№ 12—с введением в действие Пол. о судоустр. в ред. 1926 г. (ст. 35).
№ 15—с введением новой редакции гл. 29 ГПК («С. У.» 1926 г. № 41, ст. 315).
№ 20—как утративший значение.
№ 21—как поглощенный цирк. № 20—1926 г.
№ 23—с введением УК в ред. 1926 г. (ст. 60).
№ 26—как утративший значение.
№ 38—тоже.
№ 49—тоже.
№ 52—как задерж. опубл. и замененный цирк. № 125—1926 г.
№ 65—с введением нов. Пол. об изд. обязат. пост. («С. У.» 1926 г. № 39, ст. 304).
№ 91—как утративший значение.
№ 128—тоже.
№ 146—тоже.

Вместе с тем: а) в изменение п.п. «в» и «г» ст. 16 инструкции НКЮ № 98—1922 г. направление и использование конфискованных вещественных доказательств должно производиться согласно правил № 10, опубликованных в циркуляре № 100—1926 г.; б) в циркуляре № 90—1926 г. п. «г» § 3 и слова «и судом» в § 4 исключаются; в) в циркуляре № 97—1926 г. ссылка на ст. 4-а УПК заменяется ссылкой на примечание к ст. 6 УК редакции 1926 г.

Нар. Ком. Юстиции и Прокурор Республики **Курский.**
Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**
20 января 1927 г.

Циркуляр НКЮ № 19. / НКВД № 21.

Инструкция Нар. Ком. Юстиции и Внутр. Дел о засвидетельствовании сделок, договоров и документов городскими и поселковыми советами городов и поселков, не являющихся волостными или районными центрами.

Издана на основании пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 декабря 1926 г. («Изв. ЦИК и ВЦИК» от 7 января 1927 г. № 5/2939).

1. В городах и поселках, не являющихся волостными или районными центрами, при отсутствии в них нотариальной конторы совершение нотариальных действий для всех обращающихся, а именно засвидетельствование сделок, договоров и документов, возлагается на городские (поселковые) советы в пределах, установленных для ВИК'ов декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 15/VI—25 года («С. У.» 1925 г. № 43, ст. 323).

Примечание. При наличии нотариальной конторы никаких засвидетельствований городские и поселковые советы не производят.

2. В городах и поселках Башкирской, Дагестанской, Карельской, Казакской и Якутской автономных республик, автономных областей: Ингушской, Калмыцкой, Киргизской, Коми, Ойратской и Северо-Осетинской, в Дальне-Восточном и Сибирском краях, в Уральской области, в Архангельской, Вологодской, Мурманской и Сев.-Двинской губерниях и Сунженском округе Сев.-Кавказского края городские и поселковые советы не совершают засвидетельствований, если в том же городе или поселении расположены камеры народных судей, которые производят нотариальные действия в том же об'еме, как и нотариальные конторы.

Во время отсутствия в таких поселениях нарсудьи для разбора дел из места нахождения его камеры городские и поселковые советы свидетельствуют сделки, договоры и документы в пределах, указанных декретом ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 года.

В таких случаях в надписи о засвидетельствовании должно быть указано, что городской или поселковый совет произвел засвидетельствование в отсутствие нарсудьи для разбора дел (см. приложение).

3. Во всех остальных местностях городские и поселковые советы, хотя бы в этом городе или поселке были камеры народных судей, свидетельствуют все сделки, договоры и документы, указанные в декрете ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 года.

4. При засвидетельствовании городские и поселковые советы руководствуются инструкцией Нар. Ком. Юстиции, Внутренних Дел и Земледелия волостным исполкомам и сельсоветам, изданной в порядке ст. 11 постан ВЦИК и СНК РСФСР от 15 июня 1925 г. (цирк. от 14 сентября 1925 года НКЮ № 178, НКВД № 491, НКЗ № 012/СК, опубликованный в «Еж. Сов. Юст.» № 36—25 г. и «Бюллетене НКВД» № 36—25 г.), примерными формами засвидетельствования сделок, договоров и документов, приложенными к этому циркуляру, и таксой сборов за засвидетельствование ВИК'ами и сельсоветами сделок, договоров и документов (цирк. от 16 сент. 1925 года НКЮ № 179 и НКФ № 1412, опубликованный в «Еж. Сов. Юст.» № 35—25 г.).

5. Городские и поселковые советы городов и поселков, не являющихся волостными и районными административными центрами, свидетельствуют все доверенности от имени отдельных граждан (физических лиц), а от имени юридических лиц—лишь доверенности, перечисленные в ст. 1 декрета ВЦИК и СНК от 15 июня 1925 года, а также доверенности от имени юридических лиц, перечисленных в п. «А» ст. 6 того же декрета, т.-е.: 1) на получение денежной и посылочной корреспонденции; 2) выдаваемых об'единениями трудовых землепользователей, кооперативами первой степени (производственными, потребительскими, кредитными и т. п.) и крестьянскими комитетами взаимопомощи на ведение дел в судебных и прочих правительственных учреждениях; 3) выдаваемых об'единениями трудовых землепользователей на заключение договоров аренды государственных земельных имуществ; 4) выдаваемых об'единениями трудовых землепользователей на подписание обязательств при покупке в розницу с рассрочкой платежа сельско-хозяйственных машин и орудий; 5) выдаваемых кооперативами первой степени (производственными, потребительскими, кредитными и т. п.), земельными обществами и крестьянскими комитетами взаимопомощи на всевозможные действия.

6. Ближайшее руководство и инструктирование и направление деятельности городских и поселковых советов в части, касающейся засвидетельствований, принадлежит нотариальным отделениям соответствующих судов, а там, где их нет, председателям губернских судов и нотариусам уездных нотариальных контор, назначаемых распоряжениями председателей губсудов.

Зам. Нар. Ком. Юстиции **Крыленко.**
Зам. Нар. Ком. Внутр. Дел **Егоров.**
19 января 1927 г.

Приложение к инструкции НКВД и НКЮ № 21/19 от 19 I— 1927 года.

Форма засвидетельствования городским (поселковым) советом в случае, если засвидетельствование совершается во время отсутствия народного судьи для разбора дел из места нахождения его камеры (ст. 3 инструкции).

Настоящая доверенность засвидетельствована . . . . . поселковым советом . . . . . уезда (района) : : : : : : : губернии (области) во время отсутствия народного судьи. . . . участка . . . . . уезда из камеры от имени гражданина . . . . . (имя, отчество, фамилия) . . . . . ., лично известного, живущего в . . . . . ., подписавшего доверенность собственноручно.

Взыскание сборов: 1) гербового . . . . руб.; 2) засвидетельствование . . . . руб.

Город . . . . . волости . . . . . уезда . . . . . губернии.

(Число и месяц).

. . . . . 192 . . года.

По реестру № 41.
Председатель совета
Секретарь совета

Печать горсовета.

Рассылается для сведения и руководства всем главным, краевым, обл. и губ судам на основании пост. президиума Верхсуда Р.С.Ф.С.Р. от 21 декабря 1926 г.

Председатель Верхсуда Р.С.Ф.С.Р.
П. Стучка.

Доклад о работе ГКК Верхсуда РСФСР за 1925 г.

(Окончание [1]).

Вопросы «особенной» части Гр. Код.—Вопросы, касающиеся отдельных институтов Гражд. Код., принципиально еще очень мало разработаны ГКК. Те раз'яснения, которые давались ГКК по отдельным делам, носили скорее технический, чем принципиальный характер. Поэтому на них

[1]) См. «Е. С. Ю.» № 4 за 1927 г.

мы и не считаем нужным остановиться подробно. Укажем лишь на несколько таких раз'яснений, которые имеют принципиальное значение.

В области разбора жилищных споров ГКК требовала, чтобы суды строго проводили в жизнь выраженный в законе классовый принцип определения квартплаты. Поэтому она указывала судам на то, что формальный подход к разрешению этих бытовых споров совершенно недопустим: нельзя, например, не учитывая фактического имущественного положения бывш. нэпмана, признать правильным взыскание с него квартплаты по ставкам трудящихся на том лишь основании, что у него имеется в настоящее время документ, удостоверяющий о его службе или работе по найму. С другой стороны, неправильно было бы причисление трудящегося к категории нетрудящихся по той причине, что у него имеется корова и он часть молока продает своим соседям.

Предусмотреть всех случаев в этой области, конечно, невозможно, но важно то, что ГКК устанавливает для судов правильный подход к рассмотрению этих дел.

То же самое мы имеем в вопросе о разграничении договоров подряда от договоров трудовых.

Практика показала, что под видом договора подряда между сторонами имеются отношения трудовые или очень близкие к ним. Поскольку трудовые отношения регулируются КЗОТ, и в отношении нанимателя довольно жестко и невыгодно регулируются, обычно стараются эти отношения подвести под действие главы ГК о подрядах. ГКК неоднократно раз'ясняла судам, чтобы они подходили к разрешению этих споров не формально, а исходя из действительных взаимоотношений сторон, в целях ограждения интересов трудящихся, работающих фактически как наемные рабочие, а числящихся как подрядчики, применяя в соответствующих случаях 35 ст. ГК.

Иной подход имела ГКК к разрешению споров по договору займа, особенно по векселям. Здесь судам необходимо иметь в виду интересы оборота прежде всего. Поэтому ГКК стояла на позиции весьма жесткого, подчас в высшей степени формального отношения к рассмотрению таких дел. К этому побудило, главным образом то обстоятельство, что за последние годы вексельный оборот имел весьма болезненные уклоны, вследствие чего вексель мог потерять то доверие к себе, которое он должен иметь в народном хозяйстве, как орудие кредита и как платежное средство. Довольно небрежное отношение наших хозяйственников к этому абстрактному обязательству приводило к очень большому количеству судебных споров. Политика ГКК по этому вопросу, подтвержденная впоследствии и Пленумом Верхсуда, должна была, несомненно, во многих отношениях оздоровляюще влиять на вексельный оборот.

ГКК признала, что в отношении векселя не может быть никаких послаблений: вексель только тогда является таковым и влечет за собой все последствия, связанные с опротестованием его и т. п., когда соблюдены все правила, установленные законом, положением о векселях; в противном случае нет векселя; но, с другой стороны, нет и той домовой расписки, о которой говорилось в дореволюционном законодательстве и чего нет в нашем законе. Суд в таких случаях должен выяснить, какая сделка послужила основанием к выдаче векселя, и разрешить спор по правилам ГК, установленным для соответствующей категории сделок. Исходя из тех же соображений, ГКК несколько раз ставила вопрос об ограничении способов возражения против векселя. Окончательное разрешение этого вопроса было дано в раз'яснении Пленума Верхсуда от 30/XI—25 г., которым устанавливается общее правило, что все возражения против иска по векселю, в том числе и об уплате, должны основываться на тексте и надписях на самом векселе.

Все остальные наиболее важные вопросы ГК и других Кодексов, имевшие место в практике ГКК, раз'яснялись судам через Пленум Верхсуда, поэтому мы не останавливаемся здесь на их принципиальном значении.

Гражданский Процессуальный Кодекс.

Основные положения—Вопросы разграничения компетенций судебных и административных органов требовали исчерпывающих раз'яснений, так как суды очень часто принимали к своему рассмотрению дела, им неподсудные. Общего принципа, проводящего резкую грань между судебными и административными органами в их деятельности, устанавливать нельзя; нет такого критерия, заранее данного. Все зависит от закона, от того, что законодатель в данное время считает наиболее целесообразным передать на разрешение судов и что на рассмотрение административных органов. Поэтому ГКК раз'ясняла судам, чтобы они строго придерживались требований закона, не принимая на себя функций административных органов, и, с другой стороны, не вступая в ту или иную оценку постановлений этих органов, вынесенных в пределах их компетенций. Так, напр., особенно часто вопрос этот возникал в делах о муниципализации и национализации, где суды очень часто брали на себя задачу проверять правильность постановлений компетентных органов по этим делам, и подчас отменяли эти постановления. То же самое имело место и в отношении исков об установлении таких фактов, как трудовой стаж, нахождение на военной службе и получение инвалидности во время или в связи с прохождением военной службы и т. п. Во всех подобных случаях ГКК отменяла решения судов и дела производством в судах прекращала.

Не меньше ошибок допускали суды и в определении того, кто может быть истцом в гражданском деле. Суды исходили из прямого смысла ст. 2 ГПК, где говорится, что иск может пред'явить заинтересованная сторона, и признавали истцом по делу всякого, кто об'являет себя заинтересованным в исходе определенного спора или дела. ГКК раз'яснила судам, что такое широкое понимание слов «заинтересованная сторона» неправильно, так как это не вытекает из закона и ведет к большой путанице. Истцом в деле может быть лишь тот, кто защищает либо свое собственное, либо же порученное его охране право, при этом круг лиц, которым поручена охрана чужих прав, предусмотрен законом.

Необходимость дачи такого раз'яснения вызывалась тем, что за последнее время участились случаи пред'явления исков, примерно, такого характера: учреждение или предприятие пред'являют иск о расторжении договора аренды помещения между отделом местного хозяйства и частным лицом на том основании, что данное учреждение или предприятие заинтересовано в том, чтобы договор этот был расторгнут, так как ему это помещение необходимо для своих целей.

Прокурор, который является главным представителем государства в защите и охране чужих интересов в этом смысле, не вправе передавать своих полномочий другим лицам или учреждениям.

Еще в наказе ГКК указывалось на необходимость достаточного обоснования судом применения ст. 4 ГПК. Суды, однако, продолжали и в 1925 году выносить решения со ссылкой на эту статью без надлежащего обоснования, а иногда и в тех случаях, когда имеется закон, прямо предусматривающий разбираемый судом случай. ГКК неоднократно указывала судам, что совершенно недопустимо применение ст. 4 ГПК, если по данному вопросу имеется соответствующие узаконения и распоряжения Рабоче-Крестьянского Правительства.

Довольно упорную борьбу вела ГКК и в том отношении, чтобы добиться от судов наибольшей активности и самодеятельности при рассмотрении гражданских споров. Этот основной принцип нашего процесса весьма часто нарушался судами, иногда под предлогом того, что «истец не доказал», и т. д. Все это является ни чем иным, как попыткой проводить и в наших судах старые принципы строгого состязательного процесса, перелагающего бремя доказывания перед судьей-арбитром формально то на истца, то на ответчика. ГК указывала судам, что они должны широко применять ст. 5 ГПК, не останавливаясь при решении дела на формальных моментах, ликвидировать спорные взаимоотношения сторон по возможности в пределах того же процесса, устраняя необходимость в пред'явлении нового иска. Иного подхода у нашего суда и быть не может, ибо, стремясь к выяснению не формальной, а материальной истины, суд сам принимает все меры к уяснению действительных взаимоотношений спорящих сторон: поэтому и независимо от социального положения спорящих суд всегда обязан выяснить для себя всю материальную сторону дела, иначе всякое такое решение, которое основано только на формальных данных, теряет свою ценность.

Как мы уже указывали выше, издавно установлено, что никто не может отговариваться незнанием законов. Для буржуазного законодателя и судьи этот принцип непреложен, из него он исходит при писании законов, из него же исходит он при применении их. Для буржуазного судьи, который обычно тем и занят, что берет факты, доказанные ему сторонами, и подводит под рамки закона а затем на основании этого изрекает свое решение по вопросу о законности или незаконности того или иного действия, для такого судьи необходима презумпция, что все действуют, зная закон,

а судья измеряет эти действия. Для деятельности нашего суды, стремящегося к уяснению материальной истины, создание таких фикций совершенно излишне и даже вредно. Поэтому ГКК стоит на той точке зрения, что наше законодательство не знает абсолютизма юридического принципа о том, что никто не может отговариваться незнанием закона; во всех конкретных случаях, когда перед судом возникает подобный вопрос, он должен руководствоваться социальным положением сторон, степенью их культурности и прочими данными каждого конкретного дела.

С другой стороны, в отношении лиц сознательно затягивающих процесс, ГКК советует судам широко применять ст. 6 ГПК. Особенно целесообразно применение этой статьи в отношении тех сторон и их представителей, которые, будучи, именно, очень хорошо знакомыми с законами, злоупотребляют ими, путем подачи частных жалоб и т. п., чем создают волокиту и растягивание процесса по примеру старого времени на долгое время.

На этих центральных пунктах нашего процесса, имеющих весьма существенное значение для правильной постановки и проведения процесса, сосредоточила свое внимание ГКК. При всех тех обширных правах, которые суду предоставлены ГПК, необходимо, однако, чтобы в интересах самого процесса суд соблюдал тот минимум формальностей, который установлен ГПК, например, в отношении вызова сторон, допроса свидетелей и т. п. Это—обязанность суда, ибо иначе невыполнение этого минимума установленных законом формальностей ставит под сомнение качество вынесенного судом решения. При всем том, однако, никогда формализм не должен брать верх над основной целью процесса—выяснить материальную истину.

Так, напр., хотя суду и предоставлено право на основании ст. 98 ГПК рассмотреть дело в отсутствие стороны, однако, каждый раз при применении этой статьи суд должен поставить вопрос, насколько возможно выяснение действительных прав и взаимоотношений сторон при настоящем положении вещей. Или, например, ст. 106 ГПК дает право суду пресекать попытки сторон затягивать дело путем представления новых доказательств, но это не значит, что суду следует всякий раз пользоваться этим правом даже в тех случаях, когда никаких попыток затягивания процесса нет или когда представляемый новый документ не осложнит и не затруднит рассмотрения дела, а, наоборот, даст возможность лучше разобраться в требованиях истца.

Таковы в общем те основные принципиальные положения, которые выставлялись ГКК, как руководящие для судов методы в разбирательстве гражданских споров.

Мы считаем необходимым в данном беглом обзоре наиболее принципиально важных раз'яснений и указаний ГКК показать те достижения, которые в этом отношении имеются у ГКК за отчетный год. Здесь мы захватили с этой целью лишь наиболе важную принципиальную часть этой работы, оставляя в стороне менее важные в политико-правовом отношении, но не менее существенные в техническом смысле раз'яснения и указания ГКК. Обработка всего этого материала дала возможность уже в 1926 г. инструктировать суды через посредство специального инструктивного письма. В этом письме можно найти в суммированном виде те раз'яснения, которые ГКК давала судам по конкретным делам по процессуальным вопросам. Остальной материал был использован для дальнейшей инструктивной работы.

Недостатки в работе и выводы.

Основными недостатками в работе ГКК за отчетный период надо признать: 1. Недостаточно хорошо организованный надзор за деятельностью судов. 2. Невозможность проведения в жизнь надлежащего инструктирования судов. 3. Слабое участие, вернее почти полное отсутствие, в вопросах законодательной инициативы.

Мы уже видели, что большой наплыв гражданских дел и, с другой стороны, незначительность аппарата ГКК даже в области кассационной работы, которая проводилась сравнительно бесперебойно, не давали возможности более или менее полно проводить принцип специализации работы членов суда. Те же условия явились причиной того, что члены ГКК не в состоянии были соответствующим образом справиться с работой по надзору над отдельными губсудами. Да и самая постановка надзорной работы до 1926 г. была недостаточно гибка. Только в 1926 г. наметились более правильные организационные формы этой работы, и здесь уже участие представителей ГКК в указанной нами выше комиссии по надзору при НКЮ (а также и в комиссии, образованной по пост. Президиума Верхсуда от 20 января 1926 г. по учету работы судов) обеспечивает более полное проведение ГКК этой работы.

Не менее существенным дефектом в работе является то, что в области общего инструктирования судов по вопросам судебной практики сделано было очень немного. Кроме отдельных циркуляров и раз'яснений по вопросам материального и процессуального права, ГКК не сумела в 1925 г. дать ни одного инструктивного письма. Правда, те раз'яснения и директивы, которые должны бы были попасть в инструктивные письма, давались губсудам в определениях ГКК по отдельным делам и (они же по принципиально важным делам опубликовывались), но, конечно, значение инструктивных писем совершенно отлично от этого, и потому на путь более активного инструктирования судов ГКК должна была вступить и уже вступила в ближайшем же 1926 г.

Наконец, к больным местам в работе ГКК надо отнести и весьма слабое участие ее в том, что делалось законодательными органами, которым сплошь и рядом приходится дополнять, исправлять, приспосабливать законы к условиям быта и экономики, почти совершенно не имея под рукой богатого материала из области судебной практики, из области, применяющей эти законы. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что в недрах наших судебных органов со дня на день медленно, но верно кристаллизуется новое советское право. Материальным базисом для возникновения и развития этого нового права является та система общественных отношений, которая установилась на данный переходный период времени. И, несомненно, в процессе создания этого права немалое участие принимают те органы государственного аппарата, которым чаще всего приходится иметь дело с коллизией между новым укладом жизни и экономики и юридическими нормами положительного права. При достаточно хорошо поставленной систематизации судебной практики, учете так наз. правотворчества судов ГКК могла бы проявить большую и необходимую законодательную инициативу. Сделано в этой области пока что мало не только потому, что вышеуказанные условия работы ГКК мало этому содействовали, но и потому, что и Пол. о судоустройстве РСФСР 1922 г. не ставило перед ГКК такой задачи. Жизнь и практика показали, что коррективы в этом отношении в Положение о судоустройстве внести необходимо. Только в 1926 г. новое Пол. о судоустройстве эту задачу ставит перед Верхсудом, поэтому и ГКК придется соответствующим образом организовать работу по учету практики с тем, чтобы наиболее полно выполнить эту новую задачу.

Председатель Кассационной Коллегии по Гражданским Делам Верхсуда РСФСР **С. Александровский.**

ОПЕЧАТКА:

В № 50 «Е. С. Ю.» за 1926 г., в статье Аскарханова, на стр. 1397, правый столбец, строка 15 снизу, произошла досадная опечатка: Напечатано: «...Президиум Верх. Суда имеет право не только...» Должно быть: «...Президиум ВЦИК. Остальные члены Верховного Суда...»

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. **Д. Курский.**
Издатель {Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.
Редакционная Коллегия {**Н. Крыленко.** **Я. Бранденбургский.** **С. Прушицкий.**
Москва. Главлит № 77.370. «Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9. 16.000 экз.